
ФАНТ-ХАБАР
2026
34

ФАНТ-ХАБАР

2026
10 (34)

3 Календарь. 2026. Ноябрь
18 Такие дела. Октябрь 2026
25 Голоса из Сетей
85 Источники

Первая страница:
Гоблины от художника Mingchen Shen

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
https://t.me/bratrazum
https://bvi.livejournal.com
http://bvi.rusf.ru/fx/fx034.pdf

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Октябрь

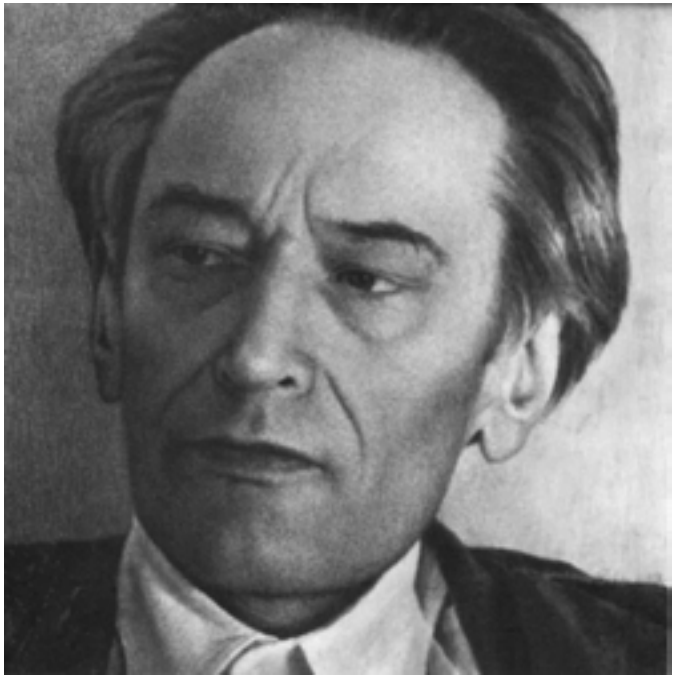
1 ноября: **Былинный герой**

115 лет назад родился **Сергей Дмитриевич СТОЛЯРОВ** (1911-1969), советский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Космический рейс» (Начальник старта), «Руслан и Людмила» (Руслан), «Василиса Прекрасная» (Иванушка), «Кащей Бессмертный» (Никита Кожемяка), «Садко» (Садко), «Илья Муромец» (Алёша Попович), «Тайна двух океанов» (Воронцов), «Туманность Андромеды» (Дар Ветер).

Следует уточнить, что точная дата рождения актёра была неизвестна ему самому, и он сам выбрал себе эту дату – 1 ноября. Лишь в начале XXI века удалось узнать, что настоящая дата его рождения – 17 июля (4 июля по старому стилю). В фильмах-сказках актёр создал ставший классическим экранный образ русского былинного героя-богатыря. И хотя Столяров пытался уйти от своего героического амплуа, это ему удавалось плохо. Вот и в фантастических фильмах он исполнил роль капитана подводной лодки Николая Борисовича Воронцова, а затем – Дар Ветра – начальника внешних станций «Великого Кольца», системы связи между удалёнными обитаемыми мирами.

2 ноября: **Контакты со стихиалиями**

120 лет назад родился **Даниил Леонидович АНДРЕЕВ** (1906-1959), русский поэт и религиозный философ, автор трактата «Роза Мира», поэмы «Железная мистерия», книг «Русские боги» и «Новейший Плутарх» (с В.В.Париным и Л.Л.Раковым).

Юрий Ключников в статье «Космос Даниила Андреева» писал:

Своеобразная игра с природой была его жизнью. В тридцатые годы он неделями скитался по России босой, с котомкой за плечами, ночуя в стогах сена. И вообще предпочитал ходить босиком где только можно, даже по асфальту, говоря, что обувные

подошвы отрезают от контактов со стихиалиями. Жена возмущалась: «Ну земля, это ладно, но что можно почувствовать на грязном городском асфальте!» Он отвечал: «На асфальте излучение человеческой массы очень сильное». Что же касается стихиалий – всех этих гномов, ундин, саламандр и прочих природных духов, описанных другими визионерами, то он их видел так же, как бабочек и стрекоз, но видел по-своему – брызжущими жизнью прекрасными живыми существами, являющимися поэту-бродяге.

Остро чувствовал и предупреждал, что всему этому может наступить скорый конец: «Когда наступление машинной цивилизации на природу станет производиться в универсальных масштабах, весь ландшафт земной поверхности превратится в законченную картину антиприроды, в чередование урбанизированных садов и небоскрёбов. Стихиалии оторвутся от своей среды... Реки и озёра, луга и поля Земли станут духовно пустыми, мёртвыми, как реки и степи Марса... Эта внутренняя опустошённость и внешняя искалеченная природа ни в ком не сможет вызвать ни эстетических, ни пантеистических чувств, и любовь к природе прежних поколений сделается психологически непонятной». Тревога мрачная, но разве не справедливая?..

8 ноября: **Ящик сгущёнки**

100 лет назад родилась **Людмила Михайловна АРИНИНА** (1926-2026), российская актриса театра и кино, исполнительница ролей в к/ф «Умные вещи» (Царица), «Сказки старого волшебника» (Мачеха Золушки), «Гостья из будущего» (Бабушка Юли Грибковой), «На помощь, братцы!» (Первая дама),

«Рок-н-ролл для принцесс» (Воспитательница), «Андерсен. Жизнь без любви» (Бабушка Андерсена), «Небесный суд. Продолжение» (Миссис Мэри Кроу).

Актриса вспоминала: «Моё детство было голодным. И я мечтала: если у меня будет много денег, я куплю себе ящик сгущённого молока. С первого актерского гонорара я так и сделала!» Она считала себя некрасивой, в детстве комплексовала по этому поводу, а потом поняла: «Гораздо легче жить, зная, что ты некрасивая. Красивые женщины должны блюсти свою внешность, уметь себя подать. А вот мне не нужно прыгать через голову!» Но зеркало не даст соврать, Людмила Михайловна похорошела с возрастом. Она стала воплощением того редкого женского шанса, когда время и годы играют в её пользу и на её стороне... После окончания ГИТИСА Людмила Аринина почти пятнадцать лет играла на сценах провинциальных театров в Могилёве, Бресте, Кемерово, Челябинске. В кино впервые снялась в сорок один год. Позже часто играла бабушек, даже бабушку Андерсена!

10 ноября: **Как снимали невесомость**

90 лет назад родился **Андрей Михайлович КИРИЛЛОВ** (р. 1936), русский оператор, снял к/ф «Москва – Кассиопея», «Отроки во Вселенной», «Ледяная внучка», «Ученик лекаря», «Возвращение Ходжи Насреддина», «Играем зомби, или Жизнь после битв», «Силуэт в окне напротив», «Дюймовочка», автор сборника сказок «Ничуть не страшно».

Для съёмок невесомости на киностудии построили 18-метровую декорацию «Коридор звездолёта», которая вращалась вокруг своей оси. Одного актёра прикрепили к специальной пластине, которая крутилась вместе с трубой, а второй актёр просто бежал по коридору, но так как декорация вращалась, создавалось впечатление, что он бежит по стенам и потолку. Третий актёр «влетал» в кадр на ремнях, которыми был пристёгнут к неподвижной опоре. Все подростки снимались в этой сцене без дублёров. Спецэффект поразил даже зарубежных режиссёров – до этого невесомость так снимал только Стэнли Кубрик, но в кадре у него был один человек. Эти съёмки удивили даже самого Стивена Спилберга. В одном из интервью он искренне удивлялся тому, как советским кинематографистам в начале 70-х годов удалось проделать такой трюк без графики.

11 ноября: **Коперник в литературе**

205 лет назад родился **Федор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ** (1821-1881), русский писатель, один из основоположников «фантастического реализма», автор повести «Двойник», рассказов «Сон смешного человека», «Бобок», «Кроткая», «Крокодил», реалистических романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы», оказавших огромное влияние на мировую социальную фантастику.

Станислав Лем в одном из своих интервью:

«Значение Достоевского для мировой литературы можно сравнить лишь со значением Коперника в астрономии. Достоевский в прозе сделал примерно то же, что Коперник в науке о вселенной. Сокрушая окаменевшую поэтику и вводя в пространство литературного произведения враждебный хор рассказчиков, демонстрирующих неокончательность всяческого знания о человеческих делах, Достоевский совершил настоящую революцию. Писатель избегает, как может, авторских окончательных,

высших характерологических определений своих героев. Даже тогда, когда он говорит от себя, он любой ценой уходит от типичного для прозы XIX века подхода, этого подхода «авторского всезнания», заменяя его именно методом множественных, часто противоречивых отношений. Отбирая у писателя право на всезнание, он вышел на позицию, которая соответствует признанной сегодня в физике непреодолимой – неопределённость измерения. При этом Достоевский вовсе не уменьшил количества того, что можно сказать о человеческих делах, а даже наоборот, – увеличил. Величие Достоевского заключается в том, что сделанное им невозможно преступить. Никто до сих пор не вышел за пределы его опыта. Во всяком случае, я не знаю таких авторов».

15 ноября: **Чикаго на других планетах**

85 лет назад родился **Даниел Манус ПИНКУОТЕР [Daniel Manus PINKWATER]** (р. 1941), американский писатель, автор циклов «Магическая Москва», «Клуб оборотней», романов «Кристалл волшебника», «Магическая камера», «Музыка ящерицы», «Крылатый человек», «Алан Мендельсон, мальчик с Марса», «Джобгоргл: ужасное чудовище озера Онтарио» и др.

Кажется, на русском языке не публиковалось ни одной вещи этого детского писателя, хотя у него вышло около сотни книг. В основном это истории о том, как люди попадают в странные ситуации: оказываются на острове с разумными ящерицами размером с человека, исследуют иные вселенные, обнаруживают, что их зубы могут служить межзвёздными радиоантеннами. И хотя действие книг Пинкуотера может происходить на других планетах, места, в которых разворачиваются действия, слегка завуалировано или же вовсе открыто напоминают Чикаго, а события основаны на реальных

случаях из жизни автора. В 1995 году Пинкуотер опубликовал свой первый роман для взрослых «Диета в загробной жизни», в котором заурядный редактор после смерти оказывается на курорте, населённом усопшими, которые при жизни страдали от избыточного веса.

17 ноября: **Автор фэнтезийного романа в письмах**

50 лет назад родился **Тарас Витальевич ВИТКОВСКИЙ** (р. 1976), русский писатель, автор трилогии «Поймать незнакомку», романа

«Несчастный скиталец», повестей «Гуляки старых времён», «Самозванец», «Буран», «Заклинание Аркамона» и др. (большинство произведений написано в соавторстве с женой Еленой Хаецкой или под её редакцией).

Владимир Пузий о романе «Несчастный скиталец»: «Это стилизованный под ритм и слог 18 века фэнтезийный роман в письмах. Главные герои – брат и сестра, каждому из которых, впрочем, лучше было бы родиться другим: ему женщиной, ей – мужчиной. Гастон дю Леруа – не склонный к авантюрам молодой человек, предпочитающий покой, тишину и «новыя моды». Эмилия же – барышня решительная, готовая бороться за своё счастье. Когда Гастона обвиняют в пособничестве беглой колдунье Феанире, именно Эмилия с её женихом Миловзором сперва освобождает брата из-под стражи, а потом вынуждает Гастона отправиться с ними на поиски преступницы. Поиски эти, разумеется, сопряжены с приключениями – порой опасными, порой – забавными».

18 ноября: **Роман об учёных**

130 лет назад родился **Юрий Александрович ДОЛГУШИН** (1896-1989), русский писатель и журналист, автор повести «Тайна невидимки», романа «ГЧ (Генератор чудес)».

Вот как вспоминал автор о своём главном произведении:

«Роман написан мною давно, ещё до Великой Отечественной войны. История возникновения идеи романа и четырёхлетней работы над ним связана с такими интересными, порой почти

фантастическими событиями, что уже сама по себе могла бы стать темой самостоятельного произведения. Черты Н. А. Байкузова (с которым Долгушин строил первый в СССР телевизор), я запечатлел в образе одного из героев романа – Николая Тунгусова. Кстати, второй из главных моих героев – профессор Ридан – более сложное «соединение» нескольких крупных учёных, которых я знал. Больше «натуральных» фигур в романе нет. Зато в моей жизни того периода их было немало. Доктор Дубровин Евгений Алексеевич в тесной комнатушке в Тропическом институте заставлял меня держать белую крысу с саркомой на спине, пока он облучал её ультракороткими волнами; профессор Михаил Васильевич Фролов часами показывал и объяснял мне, как и почему высушивается в несколько секунд сырая доска в поле высокой частоты...».

18 ноября: **Верх глупости – сражаться и убивать людей**

80 лет назад родился **Алан Дин ФОСТЕР [Alan Dean FOSTER]** (р. 1946), американский писатель, автор циклов «Проклятые», «Странствия законоучителя», «Чародей с гитарой», «Челанскийская федерация», «Флинкс», «Молокин», романов «Луана», «Врата Ада», «Колодец», «Хроники Риддика», новеллизаций «Звёздные войны», «Чужие», «Динотопия», «Звёздный путь» и др.

– ***Всегда прислушиваетесь к голосу разума?***

– Мне нравится так думать о себе... Если Бог есть, то у Него ужасное чувство юмора. Марк Твен однажды сказал: интересно, не создал ли Господь человека потому, что разочаровался в обезьяне? В человеческой истории больше свидетельств, что Бога нет, чем противоположных свидетельств. Если Он есть, почему Он не обращает внимания на те ужасные вещи, которые творятся в мире? Верх глупости – сражаться и убивать людей, как сейчас происходит в Индонезии, в Афганистане... Сотни тысяч погибли во имя Господне. Но не думаю, что можно спасти чью-то душу, перерезав глотку её обладателю. По моему мнению, это противно человеческой природе.

18 ноября: **Иронический реализм Пьецуха**

80 лет назад родился **Вячеслав Алексеевич ПЬЕЦУХ** (1946-2019), русский писатель, автор романа «Роммат», повестей «Бог в городе», «Город Глупов в последние десять лет», рассказов «Новый Завод», «Чаепитие в Моссовете».

Papyrus на сайте «Лаборатория фантастики»:

Само творчество Вячеслава Пьецуха в целом с трудом укладывается в некие определённые рамки. Из долгих, но безуспешных попыток критиков причислить его к какому-нибудь из новомодных литературных течений выкристаллизовалось определение – иронический реализм, также допускающее различное толкование. То ли писатель иронически относится к окружающей нас реальности, то ли он столь же ироничен к попыткам признать реальностью выдумки и фантазии, составляющие суть литературного процесса.

То же и с отнесением его произведений к фантастике. Среди многочисленных антологий советской и российской фантастики обнаружился только один рассказ Пьецуха. Однако писатель явно не чужд ни фантастическому жанру, ни фантастическому методу. Во многих его произведениях встречаются мистические, сверхъестественные, фантастические или, по определению самого писателя, потусторонние мотивы и сюжеты. Роман-фантазия на историческую тему «Роммат», повесть «Государственное дитя», рассказ «Разговор» вполне подходят под определение «альтернативная история». Рассказы «Новый Завод» и «Чаепитие в Моссовете» – своеобразные зарисовки утопии и антиутопии. Фантасмогорические картины «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина продолжены Пьецухом в повестях «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет». Названия рассказов «Я и потустороннее», «Василиса и духи», «Серафим Серафим», «Прикладная демонология», «Бог и солдат», «Леший» и повести «Чистая сила» говорят сами за себя. Также числятся по ведомству фантастики рассказы «Всемогущий фикус», «Драгоценные черты», «Замыкание в Вене», «Циклоп». А коротенький, на одну страничку, рассказ «Картина» – это своего рода авторский взгляд на состояние дел в современной научной фантастике.

19 ноября: **Как изменить прошлое?**

90 лет назад родился **Вольфганг ЕШКЕ [Wolfgang JESCHKE]** (1936-2015), немецкий писатель и редактор, автор романов и повестей «Последний день творения», «Земля Осириса», «Мидас, или

Воскрешение плоти», «Око Меамоны», «Кузанская игра», «Джихэдс», сборников «Временщик», «Плохие вести из Ватикана», «Партнёр на всю жизнь», «Места памяти», составитель множества антологий, автор «Словаря научно-фантастической литературы» (с Х-Й.Альперсом, В.Фухсом и Р.М.Ханом).

На русском языке опубликовано всего-навсего три рассказа этого видного европейского фантаста. Самым известным является его первый роман «Последний день творения», о том, как группа американских спецназовцев отправляется на миллионы лет в далёкое прошлое после того, как была изобретена машина времени и возник проект «Хронотрон». Целью путешествия было переправить нефть с Ближнего Востока в Европу. Но СССР не дремал и тоже послал своих солдат и союзную арабскую армию туда же, чтобы помешать американцам. Вследствие изменения прошлого новые бойцы прибывают из разных вариантов будущего. И только там, в прошлом, узнают, что дороги назад, которую им обещали, нет. В общем, кончается всё плохо.

22 ноября: **Сказочник Казак Луганский**

225 лет назад родился **Владимир Иванович ДАЛЬ** (1801-1872), русский писатель и учёный, собиратель народного фольклора, поверий о домовых, водяных, кикиморах, оборотнях, русалках и привидениях, сказок и побасенок (передал А.Н.Афанасьеву для сборника «Народные русские сказки» около тысячи сказок).

В 1832 году Даль решил лично представиться Александру Пушкину:

Я взял свою новую книгу и пошёл сам представиться поэту. Поводом для знакомства были «Русские сказки. Пяток первый Казака Луганского». Пушкин в то время снимал квартиру на углу Гороховой и Большой Морской. Я поднялся на третий этаж, слуга принял у меня шинель в прихожей,

пошёл докладывать. Я, волнуясь, шёл по комнатам, пустым и сумрачным – вечерело. Взяв мою книгу, Пушкин открывал её и читал с начала, с конца, где придётся, и, смеясь, приговаривал «Очень хорошо».

23 ноября: **Комментатор братьев Стругацких**

75 лет назад родился **Леонид Меерович РУДМАН** (р. 1951), американский и российский фэн, люден, составитель кроссвордов по произведениям братьев Стругацких.

С самого начала работы над полным собранием сочинений братьев Стругацких Леонид Рудман, поначалу с Виктором Курильским и Романом Муринским, а затем уже в одиночку занимается одной из самых сложных задач – составлением комментариев и примечаний ко всем текстам, входящим в собрание. Стругацкие вместе и по отдельности охотно цитировали и художественные, и научно-популярные тексты, благодаря своей эрудиции часто ссылались на самые разные научные сведения, использовали богатый язык. Поэтому работы у комментаторов много, и далеко не всё можно найти в Интернете.

24 ноября: **Про итальянского Буратино**

200 лет назад родился **Карло ЛОРЕНЦИНИ (Карло КОЛЛОДИ) [Carlo LORENZINI (Carlo COLLODI)]** (1826-1890), итальянский писатель, переводчик

сказок Ш.Перро, автор истории деревянного человечка «Приключения Пиноккио».

Хотя «Пиноккио» впервые перевели на русский язык ещё в 1906 году, издавалась она в России и СССР мало. Может быть, потому что её вытеснил написанный Алексеем Толстым ремейк «Золотой ключик, или Приключения Буратино», который переиздавался у нас более 200 раз! Сказка Коллоди намного богаче «Золотого ключика» событиями и несколько отличается основной мечтой деревянного Пиноккио – он очень хочет стать обычным человеком. Но такое превращение произойдёт лишь тогда, когда в его поведении станут преобладать добрые поступки, когда ему станут доступны сострадание, участие, раскаяние, трудолюбие.

24 ноября: **Акермонстр**

110 лет назад родился **Форрест Джеймс АКЕРМАН (Клэр ВОЙАНТ; Джеффри Джайлс; ДР. АКУЛА; Олден ЛОРРЕЙН; Эме МЕРРИТТ; Уэндейн МОНДЕЛЬ; МР. САЙНС-ФИКШН; Роберт РАЙТ; Уивер РАЙТ; СЕРЖ. АК АК; Веспертина ТОРГОСИ; Хьюберт Джордж УЭЛЛС; Дж. Форрестер ЭКМАН; Жак ДеФорест ЭРМАН; Джек ЭРМАНН) [Forrest James ACKERMAN (Claire VOYANT; Geoffrey GILES; DR. ACULA; Alden LORRAINE; Aimee MERRITT; Wendayne MONDELLE; MR. SCIENCE-FICTION; Robert WRIGHT; Weaver WRIGHT; SGT. ACK ACK; Vespertina TORGOSI; Hubert George WELLS; J. Forrester ECKMAN; Jacques DeForest ERMAN; Jack ERMANN)]** (1916-2008), американский фэн, коллекционер и редактор, издатель первого фэнзина «Путешественник во времени», автор нескольких рассказов, книг об Уэллсе, Толкине, кинофантастике, редактор журнала «Знаменитые монстры Фильмланда», составитель антологий, владелец библио-

теки, насчитывающей 300 тысяч единиц, которая занимает 17-комнатный дом в Голливуде.

Этот человек не зря именовал себя иногда Акермонстром. Он был близко знаком, а иногда и дружил со многими фантастами (например, с Рэем Брэдбери, которому вскоре после знакомства ссудил 90 долларов, на которые Брэдбери стал выпускать в 1939-1940 годах любительский журнал «Футурия Фантазия», для которого сам сочинял рассказы).

За 50 лет в гостях у Акермана побывало 50 тысяч фэнов, среди которых был даже Базз Олдрин. Он был литературным агентом многих авторов, а его жена Венди – переводчиком (в основном, немецких фантастов, перевела с немецкого языка и «Трудно быть богом» Стругацких).

25 ноября: **Жизнь будет улучшаться**

100 лет назад родился **Пол Уильям АНДЕРСОН (Майкл КАРАДЖОРДЖ; А.А.КРЕЙГ; Уинстон П. СЭНДЕРС) [Paul William ANDERSON (Michael KARAGEORGE; A.A.CRAIG; Winston P. SANDERS)]** (1926-2001), американский писатель, автор грандиозной истории будущей Техноцивилизации, циклов «Хока», «Психотехническая Лига», «Сломанный меч», «Патруль времени», «Новая Америка», «Три сердца и три льва», романов «Долгая дорога домой», «Великий крестовый поход», «Танцовщица из Атлантиды», «Дети морского царя», «Чёлн на миллион лет», «Ради славы Вселенной» и многого другого.

В 1999 году, когда Пол Андерсон посетил Россию, писательница Вера Камша побеседовала с ним:

Вы расписали историю человечества на сотни лет вперёд. А что, по вашему мнению, ожидает Землю и её обитателей в ближайшем будущем?

Жизнь будет улучшаться благодаря прогрессу в производстве жизненно необходимых вещей, таких, как пища и лекарства. Следующее столетие, мне кажется, пройдёт под знаком биологии. Я полагаю, что скоро мы сможем перестраивать клетки человеческого тела с помощью машин микроскопического размера, которые станут уничтожать вирусы и микробы. Кроме того, мы научимся в буквальном смысле выращивать мясо, и людям не придётся больше убивать животных для получения пищи. «Братья наши меньшие» действительно станут нашими если не братьями, то друзьями, общение с которыми позволит снимать неизбежные в любом обществе стрессы.

25 ноября: **Просто БВИ**

75 лет назад родился **Владимир Иванович БОРИСОВ** (р. 1951), русский фэн, библиограф, люден.

Давным-давно я обнаружил, что мои инициалы совпадают с сокращением Большого Всепланетного Информатория у Стругацких,

и постепенно это обозначение стало моим постоянным в фэндоме. Чтобы как-то его поддерживать, я веду базу данных о людях, имеющих хоть малейшее отношение к фантастике, обожаю всяческие энциклопедии и экстелопедии, составляю словарик фантастических неологизмов, продумываю классификацию фантастических существ и изучаю систематику трилобитов – самых фантастических созданий на Земле.

25 ноября: **Мистик и книгочей**

75 лет назад родился **Артуро ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ ГУТЬЕРРЕС [Arturo PÉREZ-REVERTE GUTIÉRREZ]** (р. 1951), испанский писатель, автор цикла «Приключения капитана Алатристе», романов «Учитель фехтования», «Фламандская доска», «Клуб Дюма, или Тень Ришелье», «Кожа для барабана», «Карта небесной сферы».

Мой «селестиальный близнец», то есть человек, родившийся в тот же день и год, по теории израильской исследовательницы Элизабеты Левин (физик, доктор наук и астролог в одном лице), должен иметь сходный со мной характер и параллельную судьбу. А по-моему, у нас практически ничего общего. Судите сами. Артуро с детства увлекался подводным плаванием и стал завзятым яхтсменом. Затем работал на танкере-нефтеперевозчике, потом стал журналистом. Был военным корреспондентом, в каких только горячих точках не побывал! Дважды (в Сахаре и в Эритрее) был объявлен пропавшим без вести, но позже всё-таки оказывался живым. После начал писать книги, детективные и исторические, но и с фантастическими сюжетами (по книге «Клуб Дюма» Роман Полански снял фильм «Девятые врата»). Журналист, солдат, мистик, гроссмейстер, моряк, книгочей, аристократ, хакер, пират, сыщик, искатель приключений – всё это Артуро Перес-Реверте!

25 ноября: **О фантастике Австралии**

75 лет назад родился **Ван Джордж АЙКИН [Van George IKIN]** (р. 1951), австралийский литературовед, писатель-фантаст, редактор и профессор английского языка, автор десятка рассказов, книг

о фантастике «Странные созвездия: История австралийской научной фантастики» (с Расселом Блэкфордом и Шоном Макмалленом), «Воины Дао», «Ксенофантастика», «Фантастика на краю реальности», «Другие пространства-времена» (все – с Дэмиеном Бродериком), составитель антологий «Австралийская научная фантастика», «Побег стеклянного рептилоида и другие австралийские фантастические рассказы», «Смертоносный огонь: Лучшая австралийская научная фантастика» (с Терри Даулингом).

И ещё один «селестиальный близнец». На этот раз всё-таки ближе мне по образу действий, хотя и антипод по месту жительства, и филолог супротив меня, технаря-программиста. Но вклад Ван Айкина в изучение и распространение австралийской фантастики поистине бесценен. Помимо книг о фантастике он долгое время редактировал выходивший в Сиднейском университете журнал «Science Fiction», а также публиковал обзоры, рецензии и интервью с фантастами в периодике.

26 ноября: **Почти как Шкловский**

60 лет назад родился **Владимир Сергеевич БЕРЕЗИН** (р. 1966), русский критик, эссеист и писатель, автор многочисленных статей о фантастике, романов «Свидетель», «Метро 2033: Путевые знаки», «Дорога на Астапово», «Путь и шествие», «Птица Карлсон», «Группа Тревиля», «Последний мамонт», «Он говорит», «Уранотипия», «Небудущее», сборников «Тридцать девять слов», «Сорок пять слов», «Необычайное», «СНТ», «Пентаграмма Осоавиахима», биографии Виктора Шкловского.

Из статьи Владимира Березина о научной фантастике:

«Надо сказать, что сейчас фокус научных открытий сместился от «чистой» физики к биологии,

органической химии и всему тому, что напрямую связано с человеком.

Это и понятно, потому что любая литература в той или иной мере испытывает влияние читательского спроса. А читателю прежде всего интересно знать о себе, примерить на себя необычное и чудесное. В больших городах в тысячах домов стоит компьютер; и вот рождённое в первой половине восьмидесятых годов в Америке понятие «киберпанк»

начинает странствие по миру. Собственно «киберпанк» есть научная фантастика, посвящённая взаимоотношениям человека и компьютера. Почему в названии сохранился корень «панк» – непонятно, но термин вполне успешный и распространённый. «Киберпанк» – это литература о виртуальной реальности или о соединении человека с электронными машинами.

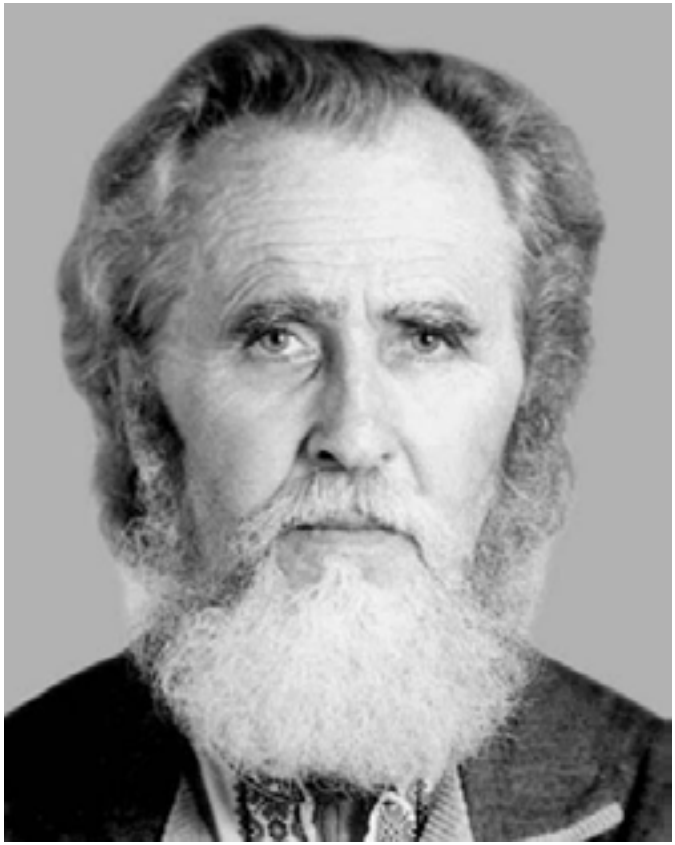
Причем то, как устроен процессор, уже никого не интересует.

Научно-техническая революция завершилась, то, что происходит теперь, – скорее научно-техническая эволюция. Обыватель видит это в телевизионных новостях. Реальность инопланетян для него несомненна, а космический полёт представляется лишь финансовой проблемой. Техническое новшество для обывателя стало чем-то вроде чёрного автомобиля с искусственным интеллектом – деталью, осложняющей сюжет.

Обывателя теперь не удивишь научным изобретением или открытием, «ещё не осуществлённым в действительности, но обычно уже подготовленным предыдущим развитием науки и техники». Поэтому в коктейль научной фантастики щедро сливаются мистика и детективный сюжет. Тот самый элемент необычайного, о котором говорили Стругацкие, оказывается вишенкой, ломтиком лимона, декоративным зонтиком – примочкой на традиционной сюжетной конструкции».

27 ноября: **Преодоление деспотизма окружающего мира**

100 лет назад родился **Александр Павлович /Олесь/ БЕРДНИК** (1927-2003), украинский писатель и общественный деятель, автор романов «Пути титанов», «Стрела времени», «Подвиг Вайвасваты», «Дети Безграничности», «Звёздный корсар», «Лабиринт

Минотавра», «Огнесмех», «Камертон Даждбога», сценария к/ф «Мечте навстречу» (с И. Бондиным).

Геннадий Прашкевич писал о самом значительном произведении писателя: «Человек в «Звёздном Корсаре» – это модель самой Вселенной (ведь Макрокосм и Микрокосм едины). И эти вселенские возможности человек, по Берднику, может реализовать через собственную волю. Будущее по «Звёздному Корсару» – это преодоление деспотизма окружающего мира, и собственной природы, и созидание гармоничного мира, где даже смешной Универсальный Робот хочет стать человеком, и становится им, трансформировав через свой биокибернетический

мозг высшую силу, которая правит в мирах Олеся Бердника – любовь».

30 ноября: **И неопубликованная фантастика**

110 лет назад родился **Исай Константинович КУЗНЕЦОВ** (1916-2010), русский сценарист и драматург, автор сценариев к/ф «Москва – Кассиопея», «Отроки во Вселенной» (оба – с А.Заком), «Ученик лекаря».

На самом деле Исай Кузнецов ещё несколько раз обращался к фантастике, но написанное осталось неопубликованным и, в случае со сценариями, не пошло в производство. В самом начале 1970-х годов был написан сценарий «Сапиенс» по рассказу Александра Беляева «Хойти-Тойти». Позже, уже после смерти основного соавтора Авенира Зака, Кузнецов написал сценарий «Остров Кордонас» по мотивам романа Александра Беляева «Остров Погибших Кораблей»: «Там предполагается, что в Бермудском треугольнике есть переход в другое измерение, и туда попадают все пропавшие корабли. Там время движется по-другому, и на этом острове оказываются люди самых разных поколений. Этот сценарий не был осуществлён». Ещё в архиве Исая Кузнецова остался фантастический сценарий «Клон» и повесть «Лакуна» о некоем диктаторском государстве, располагавшемся где-то рядом с Албанией.

Такие дела
Октябрь, 2026:

1 октября: **Андрей Борисович Бурцев** (р. 20 апреля 1954), писатель и переводчик, автор романа «Люди в сером» (с К.Юрченко), сборника «Аварийный пеленг» (с М.Башкировым), переводил произведения А.Азимова, П.Андерсона, Г.Бенфорда, Дж.Блиша, Л.Брэкетт, А.Ван Вогта, Дж.Вулфа, Г.Каттнера, А.Кларка, М.Коуни, У.Ле Гуин, М.Лейнстера, У.Моррисона, Д.Найта, А.Нортон, Э.Ф.Расселла, Р.Силверберга, У.Тенна, В.Хольбайна, П.Энтони. (***Сергей Соболев***)

1 октября: **Мэри Луиз Уэллер [Mary Louise Weller]** (р. 2 октября 1946), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Остров фантазий», «Зло», «Суперпоезд», «Смертельные игры», «Кью», «Кровавый прилив». 79 лет. (***Википедия***)

3 октября: **Сидни Оффит [Sidney Offit]** (р. 13 октября 1928), американский писатель, автор статей о Курте Воннегуте, автор предисловия к сборнику Воннегута «Сейчас вылетит птичка!», редактор книг Воннегута, который считал Оффита своим лучшим другом и включил в число участников «пикника с моллюсками» в полубиографическом романе «Времетрясение». 97 лет. (***Wikipedia***)

5 октября: **Джеффри Хауард Арчер [Jeffrey Howard Archer]** (р. 15 апреля 1940), английский писатель и политик, автор романов «Говорить ли президенту?», «Блудная дочь». 86 лет. (***Николай Подосокорский***)

5 октября: **Джордж Ричард Иэн Хоу (Джордж Фентон) [George Richard Ian Howe (George Fenton)]** (р. 19 октября 1949), английский композитор, автор музыки к к/ф и сериалам «Американский театр», «В компании волков», «Бодрость духов», «Король-рыбак», «День сурка», «Множество», «Колдунья», «В поисках Эрика», «Теорема Зеро», «Всё могу». 76 лет. (***Википедия***)

6 октября: **Эва Мари Сейнт [Eva Marie Saint]** (р. 4 июля 1924), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Отбой», «Рождественская сказка», «Песнь для другого Рождества», «Тутанхамон: Проклятие гробницы», «Возвращение Супермена», «Любовь сквозь время». 102 года. (***Википедия***)

10 октября: **Владимир Николаевич Баранов** (р. 26 мая 1956), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Серебряное копытце», «Конёк-Горбунок», «Остановите Малахова!», «Бемби», «Баллада о славном Бильбо Бэггинсе», «Пиноккио», «Иван-царевич», «Сизиф и камень», «До свидания, Золушка!», «Дом на Пуховой опушке», «Принцесса и свинопас», «Ночь перед Рождеством», «Хоббит», «Марья-искусница», «Золотой ключик», «Золотая рыбка», «Маленький принц», «Садко», «Приключения Незнайки и его друзей», «Сказка о потерянном времени», в к/ф и сериалах «Русский ковчег», «Подлинная история поручика Ржевского», «Лабиринты разума», озвучивал Винни Пуха в мультфильмах. 70 лет. (***Николай Подосокорский***)

10 октября: **Пьер Эрнст Вильхельм Линдстедт [Pierre Ernst Vilhelm Lindstedt]** (р. 15 августа 1943), шведский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Двенадцать месяцев лета», «Тайна замка Гревехольм», «Тайна замка Гревехольм – Возвращение графа», озвучивал м/ф «Пеппи в Южном море», «Петтсон и Финдус – Котонафт». 83 года. (***Wikipedia***)

11 октября: **Иржи Самец (Иржи Штепничка) [Jiří Samec (Jiří Štěpnička)]** (р. 16 апреля 1947), чешский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Игры с дьяволом», «Сон в летнюю ночь», «Сирано де Бержерак», «Дон Жуан», дублировал к/ф и м/ф

«Парк юрского периода», «Астерикс и Обеликс: Миссия “Клеопатра”», «Планета сокровищ», «В поисках Немо», «Константин: Повелитель тьмы», «Лемони Сникет: 33 несчастья», «Высший пилотаж», «V – значит вендетта», «Бесподобный мистер Фокс», «Ковбои против пришельцев», «Первый мститель: Другая война», «Планета обезьян: Революция», «Любовь сквозь время», «Астерикс: Земля Богов», «Звёздные войны: Пробуждение силы», «Первый мститель: Противостояние», «Kingsman: Золотое кольцо», «Мстители: Война бесконечности», «Мстители: Финал», «Звёздные войны: Скайуокер. Восход», «Мир юрского периода: Господство», «Человек-муравей и оса: Квантомания», «Индиана Джонс и Колесо судьбы». 79 лет. (***Wikipedie***)

12 октября: **Ричард Бейли Грей (Левелорд) [Richard Bailey Gray (Levelord)]** (р. 15 ноября 1957), американский дизайнер компьютерных игр, принимал участие в создании уровней к играм Doom, Blood, Duke Nukem 3D, Quake, American McGee’s Alice, SiN, Star Trek: Elite Force II. 68 лет. (***Мир фантастики***)

12 октября: **Феликс Маркович Янов-Яновский** (р. 28 мая 1934), узбекский композитор и музыкальный педагог, автор оперы «Белая болезнь» (по пьесе Карела Чапека), музыки к к/ф и м/ф «Заколдованный корабль», «Летающий суслик», «Будет ласковый дождь», «Вельд», «Чудовище или кто-то другой», «Последнее путешествие Каипа», «Зов предков: Великий Туран», «Зов предков: Согдиана». 92 года. (***Википедия***)

14 октября: **Майкл Кремо (Друтакарма Даса) [Michael A. Cremo (Drutakarmā Dāsa)]** (р. 15 июля 1948), американский писатель и псевдоархеолог, один из наиболее известных пропагандистов ведического креационизма, автор книг «Запрещённая археология: неизвестная история человечества» (с Ричардом Томпсоном), «Деволюция человека: ведическая альтернатива теории Дарвина», «Божественная природа: духовная альтернатива в кризисе окружающей среды» (с Мукунда Госвами). 78 лет. (***Википедия***)

14 октября: **Джеральд Майкл Шарльбуа (Майкл Форест) [Gerald Michael Charlebois (Michael Forest)]** (р. 17 апреля 1929), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Сага о женщинах-викингах и об их путешествии по водам Великого Змеиного Моря», «Сумеречная зона», «Чудовище из Проклятой пещеры», «Шаг за грань», «За гранью возможного», «Напряги извилины», «Звёздный путь», «Глубокий космос», «Ниндзя из будущего», «Наездник в маске», «Семь дней», «Могучие рейнджеры: Успеть на помощь», «Шпионка», «Звёздный путь продолжается», «Невероятно!», а также дублировал и озвучивал роли в к/ф и м/ф «Человек-линза», «Мегазона 23», «Токио: Последний мегаполис», «Гигантский робот», «Команда учёных-ниндзя Гатчамен», «Армитаж: Полиматрица», «Психо-ныряльщик: Демон-бодхисаттва», «Удивительный мир Эль-Хазард 2», «Эксперименты Лэйн», «Большой О», «Хранители врат», «Армитаж: Двойная матрица», «Призрачное пламя», «Робин – охотница на ведьм», «Лес русалок», «Скуби-Ду и монстр из Мексики», «Технолайз», «Рассвет Марса», «Дафна – тайна сияющих вод», «Бессмертный Гран-При», «Призрак в доспехах». 97 лет. (***Википедия***)

15 октября: **Ричард Рили [Richard Riehle]** (р. 12 мая 1948), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Звёздный путь: Следующее поколение», «Квантовый скачок», «Прелюдия к поцелую», «Звёздный путь: Вояджер», «Напряги извилины», «Притворщик», «Сабрина – маленькая ведьма», «Смертельный исход», «Баффи – истребительница вампиров», «Визитёр», «Волшебный мир Диснея», «Причуды науки», «Идеальный убийца»,

«Крутые времена: Предчувствие», «Ферма воздушных шариков», «Звёздный путь: Энтерпрайз», «Изменяющий время», «Дрожь», «Создатели монстров», «Ключ от тайной комнаты», «Топор», «Воскресение Мэри», «Зомби тоже люди», «Человек с Земли», «Здесь ваше имя», «Поцелуй оборотня», «Давай ещё, Тэд», «Нигде не скрыться», «Посланники 2», «Последний Лавкрафт: Реликт Ктулху», «Хэллоуин 2», «Паразит», «1001 способ наслаждаться миссионерской позицией», «Чиллерама», «Извлечение», «Рыбаки», «Американские охотники на ведьм», «Неудачная ночь», «Техасская резня бензопилой 3D», «В твоих глазах», «Напуганные», «Писака», «Страдающий амнезией», «Трансформеры: Эпоха истребления», «Инфекция: Фаза2», «Слабоумие», «Суперстюард», «Хелен Келлер против ночных волков», «Корпорация “Страх”», «Очень чудное Рождество», «Паршивые овцы», «Холодный спуск», «Лимб», «Докопаться до могилы», «Марфа», «Три секрета», «Много Мэдлин», «Невидимозавр». 78 лет. (***Википедия***)

16 октября: **Майкл Грэй [Michael Gray]** (р. 2 сентября 1951), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Летающая монахиня», «Шазам!», «Всплеск силы: Месть сиквела», «Шазам! Ярость богов». 75 лет. (***Википедия***)

17 октября: **Екатерина Юрьевна Белявская** (р. в 1981), художник, иллюстратор книг, автор графических серий «Красная Шапочка», «Сказки матушки Гусыни», «Песнь песней», «Сон в летнюю ночь», «Таинственный лес», «Космическая Антуанетта, или Вселенная Рококо», «Точка Немо», «Трубочист супер-герой». 45 лет. (***Николай Подосокорский***)

17 октября: **Мураками Рюноскэ /Рю/ [村上龍之助 /龍/]** (р. 19 февраля 1952), японский писатель, эссеист и кинорежиссёр, автор романов «Война начинается за морем», «Мисо-суп», «Линии», «Паразиты», «Фатерлянд». 74 года. (***Википедия***)

20 октября: **Кайыргуль Сартбаевна Сартбаева** (р. 20 июня 1936), киргизская оперная певица (лирико-драматическое сопрано) и педагог, исполнительница партий в операх «Мефистофель», «Фауст», «Манас», «Пиковая дама», «Дон Жуан», «Русалка». 90 лет. (***Николай Подосокорский***)

21 октября: **Томас (Том) Рой Скерритт [Thomas (Tom) Roy Skerritt]** (р. 25 августа 1933), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Час Альфреда Хичкока», «Мой любимый марсианин», «Путешествие на дно океана», «Временное пространство», «Колчак: Ночной охотник», «Адский дождь», «Чужой», «Грубая жатва», «Автостопщик», «Мёртвая зона», «Сумеречная зона», «Пикник в космосе», «Горничная на заказ», «Полтергейст 3», «Большой человек в университетском городке», «Контакт», «Свинг», «День катастрофы 2: Конец света», «Безнадёга», «Мамонт», «Падший», «Доктор Джекилл и мистер Хайд», «Продаётся владельцем», «Рождественское путешествие». 93 года. (***Павел Сидоров***)

22 октября: **Ирина Георгиевна Генслер** (р. 22 июля 1930), артистка балета, исполнительница партий в спектаклях «Каменный цветок», «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Щелкунчик», «Медный всадник». 96 лет. (***Википедия***)

23 октября: **Фёдор Николаевич Стригун** (р. 1 ноября 1939), украинский актёр театра и кино, режиссёр и педагог, исполнитель ролей в спектаклях «Король Лир», «Голубая роза», «Белая болезнь», «Каменный хозяин», в к/ф «Пропавшая грамота», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Небылицы про Ивана». 86 лет. (***Википедия***)

24 октября: **Михаил Фёдорович Липскеров** (р. 1 июля 1939), писатель, сценарист и драматург, автор романов «Путешествие к центру Москвы», «Весь этот рок-н-ролл», «Чёрный квадрат», «Город

на воде, хлебе и облаках», сборника «Как Волк Телёночку мамой был», сценариев м/ф «Ковбои в городе», «Самый маленький гном», «Как грибы с Горохом воевали», «Последние волшебники», «Новый Аладдин», «Живая игрушка», «Уважаемый леший», «Гора самоцветов», «Бабка Ёжка и другие». 87 лет. (***Николай Подосокорский***)

25 октября: **Эрик Бауза [Eric Bauza]** (р. 7 декабря 1979), канадско-американский (филиппинского происхождения) актёр-комик озвучивания и дубляжа, работал в фильмах и сериалах «Братья-Потрошители», «Трио искривления времени», «Аватар», «Волшебные покровители», «Скуби-Ду! Мистическая корпорация», «Гравити Фолз», «Великий Человек-паук», «Бэтмен», «Lego Звёздные войны», «Черепашки-ниндзя», «Лига справедливости», «Трансформеры», «Приключения Кота в сапогах», «Последний человек», «Человек-муравей», «Затерянные в стране Оз», «Амфибия», «Звёздный путь», также озвучивал компьютерные игры. 46 лет. (***Википедия***)

26 октября: **Уолтер Марвин Кёниг [Walter Marvin Koenig]** (р. 14 сентября 1936), американский актёр и сценарист, исполнитель ролей в к,ф и сериалах «Час Альфреда Хичкока», «Звёздный путь», «Затерянные среди звёзд», «Кошмарный медовый месяц», «Плёнки Квестора», «Ловушка на Луне», «Вавилон 5», «Космические корсары», «Сумасшедшая ковбойша», «Неразделимый», «Пожиратель», «Достойные», «Нейл Страйкер и тиран времени», «Диминуэндо», «Невероятно!». 90 лет. (***Мир фантастики***)

26 октября: **Ирина Дмитриевна Кострина** (р. 14 марта 1938), художница, иллюстратор книг, мультипликатор, принимала участие в постановке спектаклей «Алнеький цветочек», «Божественная комедия», «Двенадцать месяцев», «Доктор Айболит», «Иван Царевич и Серый Волк», «Конёк-горбунок», «Красная шапочка», «Руслан и Людмила», «Садко», «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о царе Салтане», «Сказ о граде Лебединце», «Снежная королева», художник-постановщик м/ф «Самый маленький гном», «Исчезатель», «Карпуша». 88 лет. (***Википедия***)

26 октября: **Сьюзан Сент-Джеймс [Susan Saint James]** (р. 14 августа 1946), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Головоломка», «Пи Джей», «Что же плохого в хорошем самочувствии?», «Ночные стоны», «Любовь с первого укуса», «Я беру этих мужчин», «Загрузка», «Призраки усадьбы Блай». 80 лет. (***Википедия***)

27 октября: **Питер Медак [Peter Medak]** (р. 23 декабря 1937), венгерский и британский режиссёр кино и телевидения, актёр и продюсер, постановщик к/ф и сериалов «Призрак Оперы», «Фантом», «Призрак под полуденным солнцем», «Космос: 1999», «Перебежчик», «Космическая принцесса», «Театр волшебных историй», «Сумеречная зона», «Красавица и чудовище», «Набоков о Кафке», «Байки из склепа», «Клан», «Мастера ужасов». 88 лет. (***Википедия***)

27 октября: **Ронэлл /Ронни/ Л. Халлен [Ronelle /Ronny/ L. Hallin]** (р. 2 января 1938), американская актриса, телепродюсер и кастинг-директор, работала над телесериалами «Счастливые дни», «Морк и Минди». 88 лет. (***Википедия***)

28 октября: **Барбара Энн Барри [Barbara Ann Barrie]** (р. 23 мая 1931), американская актриса и детская писательница, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Пьеса недели», «Сумеречная зона», «Час Альфреда Хичкока», «Захватчики», «Пьеса дня», «Ребёнок из стекла», «Американский театр», «Настоящие мужчины», «Гость на Рождество», «Мёртвые как я». 95 лет. (***Википедия***)

28 октября: **Эльке Зоммер [Elke Sommer]** (р. 5 ноября 1940), американская актриса немецкого происхождения, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Агент из ЗОНДа», «Камера пыток», «Лиза и дьявол», «Человек на шесть миллионов долларов», «Остров фантазий», «Астральный фактор», «Камень смерти», «Разорванные узы», «Флэшбэк». 85 лет. (***Википедия***)

28 октября: **Патрик Хьюз Стюарт [Patrick Hewes Stewart]** (р. 13 июля 1940), английский актёр, режиссёр и продюсер, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Экскалибур», «Дюна», «Доктор и дьяволы», «Жизненная сила», «Звёздный путь», «Лос-анджелесская история», «Кентервильское привидение», «Моби Дик», «Духи Рождества», «Люди Икс», «Снежная королева», «Таинственный остров», «Одиннадцатый час», «Гамлет», «Макбет», «Космос: Пространство и время», «Пятое путешествие Синдбада», «Отель Оскара для фантастических существ», «Логан», «Рождённый стать королём», «Доктор Стрэндж: В мультивселенной безумия», «Мстители: Доктор Дум». 86 лет. (***Николай Подосокорский***)

29 октября: **Жанна Зискиндовна Витензон** (р. 26 апреля 1929), сценаристка мультипликации, автор книг для детей, сценариев м/ф «В яранге горит огонь», «Храбрый оленёнок», «Золотые колосья», «Варежка», «Украденный месяц», «Три банана», «Папа, мама и золотая рыбка», «Ходжа Насреддин», «Свинопас», «День везения», «Сампо из Лапландии». 97 лет. (***Николай Подосокорский***)

30 октября: **Павел Тухольский** [Paweł Tucholski] (р. 6 февраля 1969), польский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Джекил и Хайд», в фильмах «Солнечное копьё», «Ведьмы», озвучивал и дублировал м/ф «Алладин», «Король лев», «Чёрный плащ», «Великий Человек-паук». 57 лет. (***Wikipedia***)

30 октября: **Ильшат Юрьевич Шугаев** (р. 5 сентября 1960), кинооператор, снимавший к/ф и сериалы: «Посредник», «Обаяние дьявола», «32 декабря», «Девять неизвестных», «Алхимик. Элкисир Фауста». 66 лет. (***Википедия***)

R.I.P. – Дополнения:

Декабрь 2025: **Бернард Ирвин Тейлор [Bernard Irwin Taylor]** (р. 2 октября 1934), британский писатель, автор романов «Божий дар», «Милая, милая», «Жатва», «Мурстоунское наваждение», «Мадлен», «Маменькины сынки», «Зачарованная жизнь», «Злой умысел», сборника «Это полночь». 91 год. (***Дэвид Лангфорд***)

24 июня: **Кристофер (Крис) Лангем [Christopher Langham]** (р. 14 апреля 1949), английский писатель, актёр и комик, автор сценариев «Маппет-шоу», сериалов «Истории, леденящие кровь», «Час с Джимом Хенсоном», исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Джеканори», «Пьеса дня», «Час с Джимом Хенсоном», «Буба», «Джордж Оруэлл: жизнь в фотографиях», «Истории, леденящие кровь», «Лондон», «Джон Уиндэм: человек-невидимка научной фантастики», «Темнейшая Вселенная». 77 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

31 августа: **Виктор Брук Миллер [Victor Brooke Miller]** (р. 14 мая 1940), американский писатель и сценарист, автор сценариев к/ф и сериалов: «Пятница, 13-е», «Незнакомец наблюдает», «Джейсон X», «Фредди против Джейсона», «Камень, ножницы, бумага», «Не ходи один в поход», «Хрустальное озеро». 86 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

4 сентября: **Ричард Томас О'Салливан [Richard Thomas O'Sullivan]** (р. 7 мая 1944), английский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Речные

налётчики», «Дом ужасов», «Пьеса дня», «Подарочек». 82 года. (***Дэвид Лангфорд***)

6 сентября: **Валентин Соломонович Тублин** (р. 23 мая 1934), писатель, автор повести «Золотые яблоки Гесперид», переводчик повести С.Рушди «Гарун и море историй». 92 года. (***Дэвид Лангфорд***)

7 сентября: **Дэвид Уорт [David Worth]** (р. 2 марта 1940), американский режиссёр, сценарист и оператор, постановщик к/ф «Бедненький Энди», «Воины затерянного мира», «Акулы 2», «Акулы 3: Мегалодон», «Дом в конце пути», снимал к/ф «Смертельная игра», «Повелитель кукол против демонических игрушек», «Остров раптора», «Всадник без головы», «Человек с кричащим мозгом», «Инопланетный апокалипсис», «Чёрная дыра», «Ночь, когда спасли Рождество». 86 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

7 сентября: **Туре Хансен [Thore Hansen]** (р. 10 января 1942), норвежский писатель и художник, автор цикла «Скогланд», романов «Страна летающих звёзд», «Цирк Бобадиллы», «Тот, кто жаждал звёзд», «Вестфабель», сборника «Гримазер», автор комиксов, иллюстраций к книгам Ю.Бинга, Т.О.Брингсвярда, И.М.Гаардер, Т.Каплина, К.Хагерупа. 84 года. (***Дэвид Лангфорд***)

9 сентября: **Майкл /Майк/ Макфарланд [Michael /Mike/ McFarland]** (р. 14 июля 1970), американский актёр, режиссёр и продюсер, озвучивал м/ф и видеоигры «Жемчуг дракона», «Проект Вампир», «Покемон», «Эскафлон», «Синяя порода», «Фаза Луеы», «Мобильный воин Гандам», «Пустынная крыса», «Грезы вульгарного призрака», «Ангелы смерти», «Стальной алхимик», «Василиск», «Сасами: Клуб девочек-волшебниц», «Стеклянный флот», «Охота на привидений», «Разрушение мира», «Индекс волшебства», «Упавгая с небес», «Робот Хал», «Токийские эсперы», «Последний человек». 56 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

9 сентября: **Джун Уиндем Дэвис** [June Wyndham Davies] (р. 27 июня 1929), британская писательница, продюсер и режиссёр, исполнительница роли в к/ф «О, Комета! О, Купидон! О, Гром и Молния!», участвовала в постановке к/ф и сериалов «Рождественские духи», «Оттенки тьмы». 97 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

11 сентября: **Джереми Джек Томас [Jereny Jack Thomas]** (р. 26 июля 1949), британский продюсер, участвовал в создании к/ф «Вопль», «Большое надувательство Рок-н-ролла», «Обед нагишом», «Маленький Будда», «Автокатастрофа», «Маги и странники», «Страна приливов», «Франклин», «Выживут только любовники», «Высотка», «Страшные сказки», «Клинок бессмертного», «Человек, который убил Дон Кихота», «Пиноккио». 77 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

16 сентября: **Марк Боли [Mark Boley]** (р. 5 января 1964), американский специалист по гриму, спецэффектам и кукольной анимации, работал над к/ф «Кошмар на улице Вязов 7: Новый кошмар», «Байки из склепа: Демон ночи», «Смертельная битва», «Сияние», «Фантомы», «Двухсотлетний человек», «Блэйд 2», «Лига выдающихся джентльменов», «Земля мёртвых», «Мастера ужасов», «Серенити», «Сын Маски», «Ужас Амитивилля», «Хостел», «Хроники Нарнии: Лев, колдунья и волшебный шкаф», «Апокалипсито», «У холмов есть глаза», «Вампирша», «Мгла», «Планета страха», «Хроники Нарнии: Принц Каспиан», «Нерождённый», «Суррогаты», «Книга Илая», «Хищники», «Я – четвёртый», «Хичкок», 62 года. (***Дэвид Лангфорд***)

16 сентября: **Олудотун /Олу/ Байеву Джейкобс [Oludotun /Olu/ Baiyewu Jacobs]** (р. 11 июля 1942), нигерийский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Джеканори», «Пьеса дня», «Люди будущего», «1990», «Третий глаз», «Динозавр: Тайна затерянного мира», «Восторг», «Оганигве», «Красавица

и Чудовище», «Адесува (Напрасная страсть)». 84 года. (***Дэвид Лангфорд***)

18 сентября: **Патриция Стефании Коул [Patricia Stephanie Cole]** (р. 5 октября 1941), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Джеканори», «Пьеса дня», «Непридуманные истории», «Возвращение антилопы», «Внутри девятого номера». 84 года. (***Дэвид Лангфорд***)

20 сентября: **Дмитрий Лазаревич Шулькин** (р. 22 июня 1941), актёр и каскадёр, исполнитель и постановщик трюков в к/ф «Синяя птица», «Письма мёртвого человека», «Остров погибших кораблей», «Спираль», «Любовь на острове смерти», «Гадкие лебеди». 85 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

21 сентября: **Гари /Энгри/ Стивен Андерсон [Gary /Angry/ Stephen Anderson]** (р. 5 августа 1947), австралийский рок-певец, актёр, автор саундтрека к к/ф «Хранитель времени», исполнитель роли в к/ф «Безумный Макс 3: Под куполом грома». 79 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

22 сентября: **Джошуа Доминик Кассара [Joshua Dominick Cassara]** (р. 4 марта 1980), американский художник, автор комиксов «Майкрософт Холмс», «Сентри», «Секретная империя», «Мстители», «Люди Икс», «Сила Икс», «Гала-вечеринка в Адском пламени», «Веном». 46 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

23 сентября: **Кэти Ма [Kathy Mar]** (р. 7 января 1951), американская певица, филкер, автор альбомов «Певчая птица», «На светлом ветру», «Бамбуковый ветер», «Всё меняется», «Создано с помощью магии». 75 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

25 сентября: **Питер Марр Мэй [Peter Marr May]** (р. 20 декабря 1951), шотландский писатель и сценарист, автор романов «Локдаун», «Зимняя могила». 74 года. (***Дэвид Лангфорд***)

26 сентября: **Филиппа Бэйкер [Philippa Baker]** (р. 20 ноября 1932), австралийская актриса, исполнительница ролей в спектакле «Медея», в к/ф «Молодой Эйнштейн». 93 года. (***Дэвид Лангфорд***)

27 сентября: **Деннис Баттон Хаскинс IV [Dennis Button Haskins IV]** (р. 18 ноября 1950), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Величайший американский герой», «Удивительные истории», «Сумеречная зона», «Мальчик с рентгеновским взглядом», «Мёртвая вода», «Дорога в один конец», «Дважды обращённый», «Акулий трейлер-парк», «Загадка». 75 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

Голоса из Сетей

1 октября:

666 любимых страшных рассказов Вертера де Гёте.

Новелла **«Отец и я» (Far och jag, 1923)** шведского лауреата Нобелевской премии-1951 **Пера Лагерквиста** (Pär Fabian Lagerkvist, 1891-1974), открывающая концептуальный авторский сборник «Злые сказки» (Onda sagor). Основой, вероятно, послужил случай из автобиографии: отец писателя тоже работал на железной дороге. Десятилетний мальчик отправляется с отцом на прогулку в лес; пасторальное начало контрастирует с жутким финалом. Проецируя страхи мальчика на идиллический пейзаж, Лагерквист наполняет короткую зарисовку множеством символов – тут и инициация мальчика для суровой взрослой жизни, и разочарование в вере, и предчувствие нового жестокого века, и предчувствие трудного пути, отличного от консервативной, патриархальной жизни родителей. История вызывает у меня ассоциации со «Страхами» Чехова, в том числе – в ярком описании чувства страха.

Сумерки сгущались. Деревья стали какие-то странные. Они прислушивались к каждому нашему шагу, будто не узнавая. На одном сидел светлячок. Сидел и смотрел на нас. Я схватил отца за руку, но он не увидел этого странного света и прошел мимо. Совсем стемнело. Мы подошли к мосту через ручей. Внизу гремело так, словно там открылась бездна и хотела поглотить нас. Мы осторожно шагали по шпалам, держась за руки, судорожно вцепившись друг в друга, чтобы не упасть. Я думал, отец перенесет меня через мост, а он не стал, он хотел, чтоб я был как он, чтоб я не боялся. Мы шли и шли. Отец шагал в темноте спокойно, размеренно, молчал и думал о своем. Я не мог понять, как это он спокоен, когда кругом такая темень. Я испуганно озирался по сторонам. Кромешная тьма. Обмирая от страха, я даже глубоко дышать не смел: вдруг темнота проникнет внутрь и задушит меня? Так мне казалось в те минуты. Железнодорожная насыпь круто уходила вниз, в черноту, в ночную бездну. Телеграфные столбы тянулись к небу, как призраки, внутри у них что-то глухо клокотало, будто из-под земли шли голоса, а белые фарфоровые шляпки на столбах как бы испуганно съёжились, прислушиваясь. Страшно. Все стало ненастоящее, чужое, точно в сне.

Вертер де Гёте

Обожаю книги с дарственными надписями. Особенно народные сказки, которые дарили детям, конечно, потому что это «сказки», а они, как многие заблуждались, сплошь умные и добрые, и поучительные.

Широкими буквами написано на форзаце что-нибудь вроде «Другу Пете от друга Васи в день семилетия».

Конечно, книгу выбрали в подарок родители Васи. Купили, не читая, ориентируясь на обложку, на которой народный узор и буквы в стиле Хохломы.

Названия сказок тоже усыпляют бдительность: «Финист Ясный Сокол», «Царевна Лягушка», но внутри, в какой-нибудь «Снегурочке», может прятаться бодрая и живительная струя народного юмора (и не только) в лице бычка-дристунка.

Впрочем, такие книги редко открывали и читали. У букинистов они сплошь подписаны: «отличное состояние, нечитанная».

Мой фаворит – собрание Юань Мэя «Новые записи Ци Се». Это старинный сборник китайских быличек.

Дарственная гласит, что книгу вручили имяреку «за активное участие в выполнении соцобязательств в честь 60-летия Великого Октября!»

Внутри парад ужасов и разврата. Летающие покойники, вонючие драконы, любовницы-удавленницы.

Выдры-оборотни, которые совращают молодых чиновников. Одна история так и называется: «Развратные проделки выдры-оборотня».

Чудовищная птица-оборотень лоча, которая однажды приняла облик молодой жены и в первую брачную ночь чуть не выклевала мужчине глаза.

А в одной деревне в Цзяннине умерла старая корова (не бойтесь, тут без интима). Ее закопали, а ночью хозяин услышал ~~простое как мычание~~ мычание. На следующую ночь тоже услышал. Наконец, жители догадались, что все это проделки мертвой коровы, выкопали труп и увидели, что он не разложился, глаза блестят, как у живой коровы, а к копытам прилипла свежая трава, словно животное только что ходило по земле. Корове отрубили все четыре ноги, разрезали живот и (чтобы было интереснее будущим читателям) набили брюхо навозом. С тех пор стало все тихо. Фаршированная навозом корова-инвалид больше не могла вылезать из своей могилы.

Таким образом, можно сказать, китайские крестьяне выполнили все свои соцобязательства.

Антон Нелихов

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 131

Осень, всё ближе Саммайн, и выбор книг тоже всё более мрачный. Не то, чтобы я часто угорал по ироническим детективам или юмористической

фантастике, но всё же... А тут ещё и Брэдбери от обложки повеяло. Надо брать.

ТЕНЬ ВЕТРА. Карлос Руис Сафон

Если брать глобально – в этой книге есть всё, что может понравиться «книжным детям». Мрачная тайна, экзотическая страна, юный неиспорченный

герой, с которым так легко себя ассоциировать, и, конечно же, книги. Целое Кладбище забытых книг. Именно так называется цикл. И если это слово вас пугает, то здесь «цикл» – звание скорее номинальное. Не обязательно читать все произведения, чтобы понять, что происходит.

Конкретно здесь всё вертится вокруг книг неудачливого писателя Хулиана Каракса. Написанные настолько увлекательно, что вызывают стойкое желание тут же скупить остальные произведения автора, популярности они не снискали. Однако, свой верный фанат у книг есть. Вот только он их сжигает. И с обнаружения такой книги и начинаются приключения главного героя.

Каждый читатель, при желании, найдёт тут что-то своё. Детективное расследование. Семейную сагу. Приключение в декорациях поствоенной Испании. Маньячный триллер. Готический роман. Всё это там есть, в равных долях. Но в сумме слагаемых это такой классический латиноамериканский / испанский магреализм. Пусть даже здесь это, в большей степени, просто реализм, но дух магии неотделим от книг, которые сами суть магия.

И вот этот испанский след, он со всеми вытекающими. Жгучие страсти на разрыв аорты, роковые красотки, прозябающие в нищете, коварные злодеи, которым воображение сразу пририсовывает тонкие усики, даже если их нет. Куча персонажей второго плана, друзей, соседей и родственных связей, вызывающих ощущение мексиканского «мыла». Всё это обрушивается на голову читателя, зачастую отбирая больше экранного времени, чем хотелось бы. Однако на атмосферу работает, как надо.

И вот при всём том, что это книга, в которой форма доминирует над содержанием – а при внимательном рассмотрении есть некий диссонанс, от того, как автор рассказывает, и о чём он рассказывает, – мне она понравилась. Я читал её неторопливо, и дольше, чем читаю обычно. Всё-таки жанр и способ подачи влезали в меня тяжеловато. Однако прочёл и не жалею. И даже, быть может, вернусь однажды на Кладбище забытых книг.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

2 октября:

Морфы не гасят ветер: Юпитер и окрестности в новом фантастическом детективе

Практически за один выходной проглотил **«В глубинах неба»** – фантастический детектив **Станислава Цыбульского**.

А посему заправляйте космические челноки (и не перепутайте баллоны – это может очень плохо закончиться!), готовьте водолазные костюмы для подлёдных прогулок и давайте разбираться, как так вышло, что мы сумели колонизировать Юпитер, но не сумели договориться.

Роман знакомит нас с системой Юпитера: в далёком и практически прекрасном будущем она активно осваивается (как и другие славные уголки нашей Солнечной).

Причём главную роль в колонизации космоса играют так называемые морфы – усовершенствованные работники, адаптированные к самым сложным и опасным условиям.

Однако появление таких людей-плюс (да и людей ли?) неминуемо приводит к разделению вида. Ведь из уютных кабинетов командуют нормы, оставляя практически всю тяжёлую работу морфам из самых нижних отсеков орбитальных станций. Раз выносливые, значит, можно и транспорт организовать попроще, а бытовые условия – поскромнее. То есть биологическое разделение провоцирует

технологическое, экономическое и проч. Давление растёт, и под крышкой уже закипает.

И когда в систему прибывает следователь, призванный разобраться с чередой внезапных и как будто никак не связанных смертей, он оказывается в самом центре намечающейся бури. Ситуация продолжает накаляться, а продолжение расследования ведёт к новым смертям.

То есть тут всамделишный научно-фантастический детектив, с преступлением-загадкой, социальной подоплёкой, да в космическом антураже.

Юпитер и его окрестности тут не для галочки. Это не крашеные деревянные декорации, а любопытный мир – едва обжитый, а потому всё ещё опасный уголок космоса.

Читатель вместе с персонажами поживёт в огромном орбитальном городе и побывает на крошечных станциях, проникнет в секретные лаборатории, опустится на дно подлёдного океана и даже коснётся атмосферы газового гиганта. В отношение локаций книга балует.

Автор не увлекается заклёпками, но при этом деталей, овеществляющих картинку перед глазами, полно. Отличное чувство меры.

Что касается персонажей, то впечатления двоякие. Вроде бы характеры не запоминаются особо, но есть и яркие образы, те же морфы, хоть речь идёт о внешности. Главный герой, следователь Коростылёв, – слишком уж правильный и адекватный. С другой стороны, не могу не признаться, что образ эксцентричного детектива, с обязательным суповым набором в шкафу, поднадоел уже давно. Может, детективов давно не читал, и сейчас другие тренды.

Но вот что, как мне кажется, действительно стоило усилить, так это «инаковость» морфов, подчеркнув их психологические отличия, которые прямо напрашиваются в историю. Потому что мне не хватило глубины, усиливающей как сюжетную пропасть между нормами и морфами (чтобы было что преодолевать), так и саму остроту конфликта.

Если искать ориентиры, то на ум приходит «Пространство» Джеймса С.А. Кори, в частности, долговязые астеры, находящиеся в непростых отношениях с inyalowda. Особенно начало цикла, с расследованием детектива Миллера и станцией на Церере, где зреет конфликт между земной администрацией и жителями Пояса.

Однако в книге Станислава морфы куда сильнее отличаются от обычных людей, приобретая экстремальные формы, вроде скатов или русалок. Здесь нельзя не вспомнить великую «Схизматрицу» Брюса Стерлинга. К примеру, фигуристая русалка с обложки «В глубинах неба» ещё на стадии анонса напомнила об ангелах Европы – постлюдях, подготовленных к жизни в подлёдном океане.

Но если в классике космопанка сталкиваются разные ветви постчеловечества (шейперы/механисты и проч.), всё сильнее отрываясь от единого начала, то персонажи Станислава, несмотря на попытки некоторых, пытаются найти точки соприкосновения, зацепиться друг за друга, чтоб не разлететься в космической пустоте без возможности встретиться вновь.

Также в похожем сеттинге написана космоопера «Геном» Сергея Лукьяненко, описывающая общество, разделённое на натуралов (то есть людей без модификаций) и спецов, подготовленных к какой-то конкретной работе. Правда, Лукьяненко больше интересовала предопределённость судьб спецов и получение фантастических способностей в обмен на утрату чего-то человеческого.

Не мог не вспомнить и классику – повесть братьев Стругацких «Волны гасят ветер». Однако в романе «В глубинах неба» не повторяется

пессимистический финал книги АБС, то есть исход люденов, и есть ещё надежда на взаимодействие и сосуществование.

Да и, как мне кажется, «В глубинах неба» вообще не столько о проблемах постлюдей, людей-плюс и проч., сколько о социальной розни и призыве её преодолеть, поданных в обёртке напряжённого детективного триллера. И всё, что выше, повторюсь, лишь ориентиры. У Станислава получился свой самобытный фантастический мир и своя история, следить за которой интересно до самого финала.

Как я понимаю, это первая крупная работа автора, ранее публиковавшего только рассказы. На мой вкус, ещё есть куда (и откуда) расти, но заявка достойная.

Павел Сидоров

Сейчас одновременно выходят два сериала по произведениям братьев Стругацких – «Трудно быть богом» и «Полдень», основанный на повести «Жук в муравейнике». В обоих звучит тема прогрессорства. Однако между этими историями – большая дистанция не только во времени, но и в отношении человечества к вмешательству в чужую историю. Поэтому стоит прояснить несколько моментов для тех, кто не читал произведения Стругацких.

В «Трудно быть богом», действие которого происходит в середине 22 века, прогрессоров в привычном для Мира Полудня смысле ещё нет. Антон-Румата, дон Кондор и другие земляне – наблюдатели Института экспериментальной истории. Их задача – изучать развитие общества, похожего на земное Средневековье, и НЕ вмешиваться в естественный ход событий.

Отсюда возникает трагическое противоречие: что делать человеку, который видит происходящее

варварство и способен его остановить, но не имеет права становиться богом для местных жителей?

Ко времени событий «Жука в муравейнике» (примерно два десятилетия спустя) ситуация уже другая.

Существует КОМКОН-1 – Комиссия по контактам с иными цивилизациями, а также КОМКОН-2 – Комиссия по контролю. Прогрессорство при этом уже превратилось в профессию.

Прогрессоры тайно работают внутри менее развитых цивилизаций и уже не только наблюдают за историческими процессами, но и влияют на них. Лев Абалкин – профессиональный прогрессор.

В «Трудно быть богом» земляне наблюдают за обществом, отстающим от Земли на многие столетия. Главный вопрос звучит так: имеем ли мы право вмешиваться в его развитие?

В «Жуке в муравейнике» человечество подозревает, что само оказалось в положении арканарцев.

Существует сверхцивилизация Странников, намного превосходящая Землю технологически. Люди находят оставленные ею сооружения и артефакты, пытаются понять её намерения и приходят к тревожной мысли: что, если Странники относятся к человечеству так же, как земные прогрессоры относятся к менее развитым мирам?

Поэтому «Полдень», хотя и снят другой командой, хорошо дополняет «Трудно быть богом». Во-первых, показывает Землю будущего, которую в «Трудно быть богом» мы почти не видим. А во-вторых, помогает почувствовать масштаб Мира Полудня и увидеть, насколько сильно за несколько десятилетий изменилось положение человечества в этом мире.

И несколько слов о самом сериале. Первые две серии заинтересовали. Какие-либо выводы делать пока рано, но могу сказать, что несколько моих опасений по поводу выбора актёров и дизайна, появившихся после публикации фотографий со съёмок и кадров из сериала, развеялись.

Юрий Колокольников казался мне не самым подходящим актёром на роль Каммерера, однако играет он хорошо и создал интересный образ.

Также авторы показали, что для демонстрации будущего не обязательно обладать огромным бюджетом. По-моему, образ Земли получился вполне убедительным, хотя никаких особенно сложных эффектов и дорогих декораций для этого не потребовалось.

Продолжаю наблюдение.

RocketMan

4 октября:

Джеймс Мэтью Барри – типичный представитель викторианской эпохи. Джеймс был девятым ребенком из десяти отпрысков крепкой рабочей семьи. Отцовский заработок ручным ткачеством позволил всем детям этого многочисленного семейства дать образование, хотя бы в форме азов «3R» – reading, writing, and arithmetic (неправильная аббревиатура основана на фонетике, а не орфографии).

Надо заметить, что человечество к этим самым литерам «R» приклеилось, как заколдованное, пытаясь любой ряд в самых разных областях своей деятельности проРРРычать.

Это и упомянутые

– минимальные навыки образования,

– и экологические постулаты управления отходами

– и принципы этического обращения с лабораторными животными

– стратегия управления питанием растений 4R Nutrient Stewardship

и прочая и прочая...

Хотя отец будущего писателя открыл сыну дорогу к образованию, в сердце Джеймса запечатлелся именно образ матери, и эта всепоглащающая сентиментальная привязанность определила его творчество и нерв историй о Питере Пэне.

Один из старших братьев Джеймса Барри погиб, так и не став взрослым: Дэвису Барри навсегда осталось 14. Шестилетний Джеймс пытался поддержать безутешную мать. Мальчик одевался в вещи Джеймса, подражал его манере говорить и насвистывать разные мелодии. Возможно, малышу просто хотелось вновь обратить на себя внимание самого важного в своей жизни человека, чей разум теперь всецело был занят другим сыном.

В конце концов единственной отрадой матери стала мысль о том, что Джеймс навсегда остался светлым и чистым человеком, невинным ребёнком. И для Джеймса Барри образ невзрослеющего мальчика и горе, которое сможет пережить только мать, прощая бессердечным детям любые шалости и невнимание, вся отдавшаяся ожиданию встречи, стали буквально навязчивыми идеями. Однако может ли сложиться творчество без одержимости?

Другой важной деталью биографии писателя является его дружба с детьми, для которых он и придумал истории о мальчике, не желающем взрослеть, сказочном острове, полном беззаботных приключений и вечного лета.

Похоже, такие вдохновляющие приятельства писателей с юными незамутненными особами – тоже типичная черта того времени. На ум сразу приходят Льюис Кэррол, написавший истории про Алису для своей маленькой подруги, в честь которой и назвал заглавную героиню сказок, и Корней Чуковский, чья душа и муза – это маленькая дочка Мурочка, умершая в страшных муках от туберкулёза, ибо тогда еще безраздельно царила доантибиотиковая эпоха.

Однажды в Кенсингтонских садах (знаю, звучит, как начало дурного анекдота или хоррора, но что поделать) Джеймс Барри познакомился с братьями Дэвис. Пять мальчишек стали его близкими друзьями. Барри не ограничился прогулками детей, которых всюду сопровождала няня, а познакомился с родителями своих новых друзей, чем вызвал немалое душевное напряжение отца мальчиков, который ревновал, что Барри затмил его детям собственного отца.

Впоследствии родители братьев умерли от онкологии, и Джеймс Барри стал опекуном мальчиков. Хотя все юные Дэвисы достигли совершеннолетия, многих из них ждали трагедии: смерть в боях и самоубийства.

Питер Пэн – это не законченная в привычном нам понимании книга. Мэтью Барри создал целую коллекцию историй о Питере, и это не только тексты. Писатель также увлекался фотографией, и снимки его юных друзей – тоже часть лора о Питера Пэна и потерянных мальчишках.

Пьесы о Питере Пэне неоднократно ставились на сцене, и в дошедших до нас повестях чувствуется игра с публикой, то есть интерактивность, характерная для театра, где чаще, чем, например, в кинематографе, принято «ломать четвертую сцену».

Например, сцена с оживлением феи Динь-динь, выпившей отравленное Крюком лекарство, которое предназначалось ее любимому мальчику.

– Вы верите в фей? – крикнул он.

Динь даже привстала на кровати, до того ей не терпелось узнать, как решится её судьба.

Вдали зазвучали голоса. Ей показалось, что они кричат: „Да! Да!“ Но вдруг она ошиблась?

– Как по-твоему, что они кричат? – спросила она Питера. И тогда он крикнул во весь голос:

– Если верите, хлопните в ладоши! Не дайте Динь умереть!

В ответ раздались громкие хлопки. Раз, два, три… Сколько их! А вон там не хлопают… А там даже свистят…

Дж. М. Барри «Питер Пэн и Венди» в переводе Н. Демуровой

Или финальная расправа с пиратами на корабле «Веселый Роджер», когда Малыш, один из потерянных мальчишек, считал теперь уже потерянных пиратов. Остановился он только на «одиннадцати». Представляю, как зал, хлопая и топая, вслух считает вместе с Малышом!

Приводя цитату, я неслучайно сделала акцент на фигуре переводчика. Для тех, кто, как я, обделен возможностью наслаждаться текстом оригинала, выбор перевода – отдельное искусство.

Что касается Питера Пэна, то на русском известны около полутора десятков версий (и, кстати, в первом переводе Питер именуется именно Паном в честь лесного бога, а не Пэном, как мы теперь привыкли его называть), но популяризированы две из

них: пересказ Токмаковой для самых юных слушателей и читателей и близкий к оригиналу перевод Демуровой, который я нынче читала впервые ю, буквально посыпая голову пеплом и вопрошая себя, отчего именно за этот текст не взялась раньше. Он прелестен!

Еще до начала стрима, был вопрос о лакунах в русском тексте.

Единственное, что нашла я по разборам – это выброшенное слово «религия» в силу моральных настроений той эпохи.

Вот как описан Нигдешний остров у Демуровой, и что было в оригинале про Neverland у автора.

Во всём этом можно бы разобраться, но есть там ещё и первый день в школе, и отцы, и круглый пруд, и рукоделие, и убийства, и виселицы, и глаголы, после которых идёт дательный падеж, и шоколадный пудинг, и больное горло («Ну-ка скажи „а-а!“), и расшатавшийся зуб („Три пенса, если вырвешь его сам!“), и длинные брюки, и многое-многое другое. И то ли это разные части острова, то ли просто одна карта просвечивает сквозь другую, – но только всё это страшно запутано, особенно потому что всё это находится в движении.

*It would be an easy map if that were all, but there is also first day at school, **religion**, fathers, the round pond, needle-work, murders, hangings, verbs that take the dative, chocolate pudding day, getting into braces, say ninety-nine, three-pence for pulling out your tooth yourself, and so on, and either these are part of the island or they are another map showing through, and it is all rather confusing, especially as nothing will stand still.*

Второй момент, который мы нашли непосредственно на стриме вместе с Ирой (https://t.me/speechify), это признание Питера о том, что он любит Венди. Способен ли Питер любить, спросили мы друг друга, и я в качестве доказательства привела кусок из текста на русском. Однако, Ира поспешила меня разочаровать: в оригинале использовано не «love». Впрочем, кто сказал, что «fond» плохо выражает нежность и сентиментальную привязанность? Не знаю, я все еще в сомнениях. При всей эгоцентричности Питера мне хочется верить, что в глубине души он знает, что такое любовь.

„Она ужасно любит Венди“, – подумал Питер. Он был очень сердит на миссис Дарлинг: как она не понимает, почему Венди нельзя вернуться. Это было так просто: „Я тоже люблю её. Нельзя же её разорвать пополам!“

“She’s awfully fond of Wendy,” he said to himself. He was angry with her now for not seeing why she could not have Wendy.

The reason was so simple: “I’m fond of her too. We can’t both have her, lady.”

Считается, что Джеймс Барри популяризовал имени «Венди». Пятилетняя девочка Маргарет, дочь поэта Уильяма Эрнеста Хенли, друга нашего писателя, называла Джеймса «friendy-wendy». Не выговаривая это как следует, она произносила что-то вроде «fwendy-wendy», и в память об из дружбе (Маргарет умерла от менингита совсем крохой, в возрасте шести лет) Барри назвал одну из главных героинь своей истории. И, верно, можно подумать, что близких Барри преследовал злой рок...

Другой человек, который связывает Джеймса Барри и Уильяма Хенри, это Р. Л. Стивенсон, автор легендарных приключенских романов. Поэт Хенри стал прототипом Джона Сильвера в «Острове сокровищ», таким образом попав и в историю о Питере Пэна, который вместе с мальчишками сражался с пиратами, главаря которых боялся сам Сильвер. Затерянный среди снов и фантазий остров Нетинебудет имел «точный» адрес. Питер озвучил его Венди так: «Второй поворот направо, а потом прямо,

до самого утра». Именно такой адрес назвал Роберт Льюис Стивенсон, зазывая Барри в гости.

Но вернемся к Джеймсу Крюку, грозе всех пиратов. Жертва хорошего воспитания, мечтавшая одержать победу над природной заносчивостью и самоуверенностью, олицетворением которой был дерзкий Питер Пэн, в итоге пострадала от времени, следовавшего по пятам. Если для Крюка борьба с мальчиком была целью номер один, Питер вскоре забыл своего заклятого врага. Сколько Венди ни пыталась напомнить ему о великом и грозном пирате, память Питера не отзывалась.

Так же Питер забыл и свою фею Динь, слишком маленькую, чтобы одновременно испытывать больше одной эмоции.

Вообще в историях о Питере сложно найти людей, не изувеченных какими-либо пороками. Пожалуй, только образ матери, преданно ожидавшей трех своих детей, улетевших с Питером, остался безоговорочно светлым.

Отца Венди, Джорджа и Майкла, авторская любовь практически не коснулась. Вспыльчивый мужчина во многом сам оказался виноват в пропаже детей, однако даже наказание, которому он себя впоследствии поверг, запершись в собачьей будке с клятвой не выходить из тесного домика, пока не вернутся дети, кажется самому автору сомнительным поступком. Возможно ли, что это искусственное ограничение поддерживается теперь совсем другим чувством, а именно тщеславием, тенью следовавшим за обрушившейся на него популярностью, нежели истинным раскаянием?

Наверно, неслучайно иногда Джеймса Крюка и мистера Дарлинга, отца сбежавших детей, играет в одной и той же постановке или экранизации один актер. Кажется, те сомнения, которые гложут обоих персонажей об истинности чувств, объединяют свирепого одинокого пирата и вспыльчивого любящего отца, как аверс и реверс одной медали, который Питер волен носить на груди любой стороной, какая ему нынче ближе. Известно, что в своих играх Питер Пэн мог легко перейти на сторону противника, чем ставил в замешательство обе сражающиеся стороны.

Наверно, о Питере Пэне можно говорить бесконечно. Никакие логические дыры этого мира не заставят меня разлюбить его. Лучший коктейль безумия, отрицания, отваги, заклятия и поиска утраченного.

Наверно, на этом сделаю над собой усилие и закончу питерпэновскую простыню, однако, все ли я об этом сказала? Решительно, нет!)

Юлия Евдокимовская

5 октября:

Недавно исследователи из Института Вейцмана разработали систему Brain-IT, способную по данным функциональной МРТ примерно восстановить изображение, которое видел человек во время обследования.

Система анализирует активность зрительных областей мозга, определяет общие признаки увиденного – например, что находилось перед человеком, где располагался объект, какой была композиция. А затем нейросеть собирает из этих данных приблизительное изображение.

Пока технология далека от настоящего «чтения мыслей», но результаты уже выглядят впечатляюще. Более того, постепенно сокращается время, необходимое для настройки системы под конкретного человека; появляются системы, способные делать реконструкции почти в реальном времени.

Если говорить о практическом применении, то в первую очередь это медицина: помощь людям, которые из-за травм или заболеваний не могут говорить и двигаться, создание новых способов общения и управления устройствами напрямую через активность мозга.

Но давайте немного пофантазируем о том, какое применение могла бы найти уже доведённая до ума технология.

Возможно, однажды основным интерфейсом между человеком и компьютером станут не клавиатура, мышь или голос, а наше воображение.

Можно представить художника, дизайнера или архитектора, который представляет изображение, и оно появляется на экране. Визуализацию снов – вот уж где откроется огромное поле и для развлечений, и для исследований. Или персональный компьютер, годами обучающийся на мозге своего владельца и понимающий его мысленные образы практически без слов.

Однако есть и другие, не столь приятные сценарии. Если подобные технологии станут компактными и более точными, возникнет вопрос о «ментальной приватности». Работодатель сможет контролировать внимание и состояние сотрудника. Полиция – воссоздавать фоторобот преступника, используя воспоминания потерпевшего. Другими словами, откроется доступ к тому, что всегда было исключительно личным пространством человека – его мыслям.

Всё это, конечно, вряд ли возможно в ближайшем будущем, но сама идея уже перестала быть чистой фантастикой. В очередной раз вспоминается третий закон Артура Кларка: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

Тема чтения мыслей давно исследуется фантастами. Можно вспомнить такие произведения:

Андре Моруа – «Машина для чтения мыслей» (La machine à lire les pensées, 1937).

Учёный создаёт «психограф» – устройство, способное фиксировать внутреннюю речь человека. Машина считывает мысли, сформулированные словами, но не может распознавать мысленные образы.

Альфред Бестер – «Человек без лица» (The Demolished Man, 1953).

В будущем среди людей существуют телепаты, способные читать чужие мысли, а полиция использует их способности при расследовании преступлений. В таком мире совершить преднамеренное убийство становится почти невозможно.

Филип К. Дик – «Особое мнение» (The Minority Report, 1956), а также одноимённый фильм Стивена Спилберга 2002 года.

Полиция использует способности людей, видящих будущие преступления, чтобы задерживать предполагаемых преступников ещё до совершения преступления.

Джон Браннер – "Телепат" (The Whole Man / Telepathist, 1964).

Главный герой обладает сильными телепатическими способностями и способен проникать в сознание других людей. Его способности используются для общения и психотерапии.

Ясутака Цуцуи – «Паприка» (Paprika, 1993).

Психотерапевты получают устройство, позволяющее входить в сны пациентов и наблюдать их внутренний мир. Когда аппарат попадает не в те руки, технология лечения превращается в средство вторжения в чужое сознание. По роману Сатоси Кон снял аниме-фильм «Паприка» (2006).

Фильм Кэтрин Бигелоу «Странные дни» (Strange Days, 1995).

Технология позволяет записывать человеческие воспоминания и ощущения, а затем воспроизводить их другому человеку. В результате возникает чёрный рынок таких записей, позволяющих буквально проживать чужие приключения, страхи и удовольствия.

RocketMan

6 октября:

Ваджра Чандрасекера, «Святой ярких дверей». Изд. Fanzon

История о юноше Феттре, лишенном тени, видящем демонов и воспитанным ради убийства своего отца-пророка, прославила автора – среди любителей фантастики уж точно. Роман вышел в 2023 году и удостоился крупнейших фантастический премий Nebula и Locus. Русский перевод наконец добрался до читателя – и все яркие двери города Луриата, улицы которого рассекают видимые тук-туки и невидимые демоны, распахнулись. Перед Феттром стоит сложная задача: выполнить предназначение, от которого он сбежал, или стать полноправным жителем города, пустить в него корни, перестав быть эмигрантом? В любом случае, ему придется раскрыть тайну запертых ярких дверей, разбросанных по городу и ведущих то ли в никуда, то ли в иные миры.

«Святой ярких дверей» – волшебная сказка для взрослых на базе фантастики (хочется добавить научной, но научного тут нет), где магически-фэнтезийное переплетено с современным, знакомым,

технологичным – от интернета до новых систем хранения данных. Собственно, из такого сплава и получается тот самый weird fiction, который обещают издатели; действительно во многом в духе Чайны Мьевиля, хоть и более сдержанный на сюрреалистичность. Роман стоит воспринимать исключительно как вариацию на тему философско-социальной притчи, а потому не стоит искать правды характеров и уж, тем более, мироустройства – тут, безусловно, очерчена своя система государств, морально-этических кодексов, городского управления, ритуалистики, но слишком много в происходящем дыр, которые создают ощущение недосказанности и таинственности. Мир Чандрасекеры – это мир святых, пророков, чудес.

Впрочем, за всей причудливостью, ярко выкрашенной мозаикой из фрагментов то одного жанра, то другого, скрываются два вполне понятных осевых темы. Даже, вернее сказать, два авторских высказывания. Первое – о потере идентичности в современном мире, связанным в том числе с миром бывших колоний. «Святой ярких дверей» – роман по сути своей доколониальный, о конфликте «восточной/африканской» провинции, населенной демонами, и метрополии, вполне себе сравнимой с Европой времен господствующих колоний. Эта же тема всплывает и в предыстории с чудесным островом, погибшем тысячи лет назад после, цитируя классику научной фантастики, timey wimey событий. Известно ведь: благие намерения конкистадоров губят целый народ.... ну, вы поняли – в романе то конкистадоров нет, но модель примерно такая же, и отсылок – предостаточно. Второе высказывание – о всех могучих силах, (политических, религиозных), влияющих на мир, меняющих его, оставляющих неизлечимые раны и, что важно, отправляющих в забвение целые пласты истории. Можно ли этому противится и хватит ли сил у теней прошлого противится таким голиафам?

Есть такие дебютные книги, которые читаешь и чувствуешь – дебют, да, слишком много всего автор хочет поместить под одной обложкой. В «Святом ярких дверей», очевидно вдохновленным ковидными локдаунами (да, надо упомянуть про эпидемии чумы и маски), шатко-валкий сюжет, то зависающий до ритма неспешной антиутопии, то подбрасывающий элементы шпионского триллера, похожий на плохо сделанный аттракцион. Но все это компенсируется яркой, нет, даже ярчайшей образностью – текст прямо-таки сочится ей. Начиная от докторов-демонологов из родного города Феттра, заканчивая системой местных святых и набором незримых демонов, полубогов. Пожалуй, как-нибудь так снял бы фантастику с шри-ланкийским колоритом Йоргос Лантимос («Бедные-Несчастные», «Бугония» и проч.).

«Святой ярких дверей» – торжество безумной странности, которая так зачаровывает в процессе, что задаешь мало вопросов и просто наслаждаешься изобретательностью автора и детализированной, необычной картинкой, а еще – твистами. Не столько сюжетными, сколько идейными.

P.S.: А еще, дорогой Fanzon, это очень красиво издано! Отличная адаптация обложки, и как лаком залили здоровски...

Денис Лукьянов

Вампиризм. Если забыть наше привычное восприятие мифологии – вампиры устроены парадоксально: мёртвые, но двигаются, воспринимают мир, помнят и испытывают голод. Они не зомби, которые лишены воспоминаний и разумности, они вполне себе люди – но с особенностями.

Исторически эта неопределённость была вполне серьёзной и обсуждаемой. В XVIII веке рассказы о вернувшихся мертвецах становились поводом для вскрытия могил и медицинских расследований. Как пишет историк **Франческо Паоло де Челья в книге «Вампир. Естественная история воскрешения»**, вампир оказался на пересечении деревенских поверий, религии и попыток рационально исследовать тело. Врачи, богословы и философы на полном серьёзе обсуждали свидетельства, которым сегодня мы даже не придали бы значения.

Современная фантастика продолжила эту тему, изменив исходные условия. В **«Я – легенда» Ричарда Мэтисона** вампиризм становится следствием бактериальной инфекции (есть даже название возбудителя – vampiris).

У **Питера Уоттса в «Ложной слепоте»** вампиры – вымерший подвид людей, хищники, чья физиология и разум сформировались вокруг охоты на человечество. Уоттс пишет в послесловии романа **целую научную статью о физиологии вампиров**: например, учитывает он и то, что люди размножаются медленно, а поэтому хищник, полностью зависящий от них, рискует уничтожить собственный источник пищи. В его вымышленной модели вампиры надолго впадают в спячку, снижая потребность в энергии. Там же объяснение, почему вампиры боятся крестов (дело в том, что крест (как и любые перекрещивающиеся объекты) вызывает у вампиров **кататонический ступор при зрительном контакте**).

Но биологическое объяснение меняет и **моральный вопрос**. Пока вампир – восставший покойник, его уничтожение выглядит восстановлением нарушенного порядка. Если же он живой организм, которому для существования необходима наша кровь, возникает конфликт потребностей двух видов. Тигров же не уничтожаем за то, что они мелкими зверьками питаются, ну негодяи, честное слово.

С вампиром правда сложнее, ведь мы приписываем ему разум, а значит, ожидаем, что он способен понимать чужое страдание и выбирать, как поступить. Голод объясняет потребность в пище, но вопрос о допустимых способах её добывания остаётся. Если вампир может договориться с донором, обязан ли он это сделать? А если иначе ему не выжить – насколько далеко простирается его право на собственную жизнь?

«Хищник бежит за едой, Жертва бежит от смерти». Вывод напрашивается следующий: обычно добыча ускользает от хищника за счет лучшей мотивации.

«Ложная слепота» Питер Уоттс

Почему я вообще вспомнила о вампирах? Да просто сейчас на больших экранах России идёт повтор “Сумерек”. Уверена, все подписчики данного канала – ярые фанаты и уже сходили, чтобы оживить в памяти сей шедевр.

Лиля Шеламова

Хоть и говорила я в новом видео о великанах, но подборку хочу вам дать о нестандартной гравитации. **Пять научно-фантастических книг, где сила тяжести определяет устройство мира и сюжет.**

Хол Клемент «Экспедиция „Тяготение“». На планете Месклин тяжесть меняется от трёх земных у экватора до семисот у полюсов. Вернуть потерянный зонд могут только местные многоногие жители: для людей приполярные области недоступны, а для месклинитов даже небольшое падение смертельно опасно.

Роберт Форвард «Яйцо дракона». На поверхности нейтронной звезды с тяжестью в 67 миллиардов земных развивается цивилизация крошечных чила. Их жизнь примерно в миллион раз быстрее

нашей: пока люди наблюдают с орбиты, внизу сменяются поколения. автор описывал книгу как «учебник по физике нейтронных звёзд, замаскированный под роман».

Стивен Бакстер «Плот». Люди оказываются во Вселенной, где гравитационное взаимодействие в миллиард раз сильнее нашего. Здесь километровые звёзды сгорают за несколько лет, а потомки экипажа пытаются выжить среди их остатков.

Ларри Нивен «Интегральные деревья». Люди живут в газовом кольце вокруг нейтронной звезды, в постоянном свободном падении. Поселения располагаются на гигантских деревьях, вода плавает огромными скоплениями, а изменение орбиты может поставить под угрозу всё сообщество.

Боб Шоу «Астронавты в лохмотьях». Две планеты обращаются вокруг общего центра масс так близко друг к другу, что их атмосферы сообщаются. Когда жизнь на одной становится опасной, её обитатели пытаются переселиться на соседнюю – на воздушных шарах. Межпланетное путешествие здесь доступно цивилизации, которая ещё не умеет строить ракеты.

Лиля Шеламова

Переслано из: Книгобара

Прочитал **«Автор ничего не хотел сказать» Шамиля Идиатуллина (*РЕШ*)**, и я в восторге от того, насколько это нишевая книга.

Начнём с того (*вдруг кто-то не знает*), что я фанат **Идиатуллина**, считаю его одним из самых лучших и важных современных русскоязычных писателей, а **«Город Брежнев», «Убыр»** и некоторые рассказы регулярно перечитываю. Если доживу, то скоро в отпуске собираюсь перечитать в третий раз **«До февраля»**.

На фотках постом ниже, помимо обложки рецензируемой книги, все те книжки **Идиатуллина**, что есть в моих шкафах. А может, и не все, может, что-то и забыл.

Кроме того – я человек книжный, о книгах и о литературе, как это не пафосно прозвучит, я думаю, пишу и читаю всю жизнь, сколько себя помню. То есть я – самая-самая целевая, почти не существующая в природе, аудитория этой книги. Но вот я дочитал и я в **несколько амбивалентных чувствах**.

Тут нужно наконец-то сказать, что собой представляет **«Автор ничего не хотел сказать»**. Это, внимание, ни в коем случае не художественная книга, и даже не привычный нонфик в своей основной части. И не мемуары, к сожалению. Это – сборник текстов, опять же, в основном, о **книгах и писателях**. Здесь посты, рецензии, обзоры и статьи, которые **Идиатуллин** написал лет, кажется, за 20, и опубликовал на самых разных площадках – от анонимного ЖЖ и персонального, наоборот, сайта до **«Коммерсанта» и «Горького»**.

Причём выбор книг, о которых здесь говорит **Идиатуллин** – принципиально наглый, вызывающий. В основном это жанровые книги – фантастика (*часто не самая известная*), шпионский роман, детская литература. На моей памяти в эссеистике

с такой силой и откровенностью за свои guilty pleasure рвал тельняшку только **Стивен Кинг**, и это очень круто.

В итоге от первых частей книги я дико кайфовал (*уверен, автор немедленно поймёт, на какой части я сломался, и усмехнётся*). Мы с **Идиатуллиным** росли, читали, гонялись за книгами и взрослели примерно в одно время, и, читая начало книги, я невероятно радовался. (*Тут добавлю занудное, что я рос в Свердловске, а мой дядя спекулировал книгами, и поэтому проблем с* ***«Уральским следопытом», Крапивиным и Стругацкими*** *у меня не было*).

Из расстройств я ловил себя на двух: во-первых, очень мало про моих любимых авторов, которых, я точно знаю, и из рецензируемой книги это видно, любит и **Идиатуллин**. Мало о **Крапивине, о Сальникове, о Веркине, об Алексее Иванове, о Василии Щепетнёве, о Борисе Ряховском**. «*Спортивный принцип*» в неизменности старинных публикаций – это хорошо, но в книге явно не все тексты, я помню и другие, да и почему бы не дописать?

Во-вторых, я расстраивался из-за того, что почти не мог представить человека, который руководствуется рекомендациями из книги. Если сборник эссе **Поляринова** о литературе буктьюберки-«*интеллектуалки*» буквально используют как список для внеклассного чтения, то читать по **«Автор ничего не хотел сказать»**, по-моему, почти невозможно. В этом смысле она напоминает книги многократно упоминаемого **Идиатуллиным Виталия Бугрова**, которые в детстве читать и перечитывать было интересно, но, блин, искать и особенно читать упомянутые в них тексты было очень тяжело.

Наконец, на огромной части про шпионов я сломался и разозлился. Амбиция рассказать об истории и феномене советского шпионского романа – почти великая, и этот кусок я читал с уважением, хотя шпионские романы мне всегда были до фонаря. Но когда начался **трукрайм про реальных шпионов**, я прямо расстроился и разозлился. Шпионы – позорная профессия для уродов. Если все шпионы в мире исчезнут, станет сильно лучше. Почему я должен про них читать не в отдельной книжке, которую я бы и брать не стал, а здесь – я не понял. Почему история про какого-нибудь сбежавшего полковника в разы длиннее очерка об условном **Веркине** – я не понял тем более.

В общем, кроме шуток и без обид, я **бы книгу переделал**. Выкинул бы трукрайм. Добавил бы современной оптики. Расширил бы разделы про некоторых писателей. Вставил бы рекомендательные списки и гайды, которые **Идиатуллин** составляет гениально.

А ещё – я бы добавил в эту книгу великий рассказ **Идиатуллина «Стране нужна бумага»**, который выходил вроде бы только в решевском сборнике про СССР и который несправедливо мало прочитан. Тематически и по ощущениям он бы здесь встал идеально.

Резюмирую, невзирая на моё, скажем так, плохое настроение. Если вы любите **Идиатуллина**... Даже не так. Если вы читали хотя бы два романа **Идиатуллина**, и вам понравилось, то новую книгу нужно обязательно покупать. Причём в идеале – покупать срочно на бумаге и по возможности добывать автограф. Будет важнейший артефакт.

Шамиль Идиатуллин

Мне нравился Арканар.

«Трудно быть богом» я впервые читал лет в 13. Страницу за страницей мне вроде бы показывали

отсталый и убогий мир. Рассказывали, как разит немытым телом сквозь тяжелые слои духов доньи Оканы.

Но мир этот, при всем очевидном несовершенстве, выглядел куда живее стерильного мира правильных прогрессоров.

Отчего бы и не выпить с утра благородному дону? Воинственно топорщатся усы. Клинок меча вращается, словно вертолетный винт. Зловещие тени братьев Ордена заполняют улицы города. Оседает на пол женский силуэт. Арбалетный болт в горле.

Всё это было интереснее прогрессорских терзаний Руматы. Пускай Стругацкие и натянули «мрачное Средневековье» на реалии XX века, как сову на глобус (это многие делали и будут делать). Даже штурмовые отряды и партийные чистки не могли уничтожить ощущения, что псевдосредневековый мир, такой плохой и несовершенный – живой. Сами братья Стругацкие явно придумывали его не без удовольствия (и не без юмора). Подмешивая туда мушкетеров Дюма и Испанию XVI-XVII веков.

Гигантский фильм Германа я смотрел только отрывками и вряд ли когда-нибудь посмотрю целиком. Слишком много тягучей, словно смола, черноты, грязи, крови и цирка уродов.

Ну, а новый сериал привлекает еще меньше. Его трейлеры прямо кричат: «А вот мы тоже сделаем Дюну! Как Вильнев! Смотрите, у нас тут пустыня всамделишная, и ~~сардаукары с фрименами в стилсьютах~~ странные коричневые доспехи!». Может, желание и неплохое, но исходный материал настолько про другое, что никакой «Дюны у нас дома» из него не сделаешь.

Фёдор Панфилов

7 октября:

«Голоса времени» – отличный сборник фантастических рассказов Балларда на грани сюрреализма. Это new wave, преимущественно 1960-е-1970-е. Воспринимается за счет интеллектуальных понтов, умелого выбора фант-допущения и работы с любимой мной недосказанностью довольно впечатляюще. Я читала много Балларда (фаворит все еще «Бетонный остров»), но вот рассказы оставались в стороне – и очень зря.

Во-первых, размах фантазии. Он у Балларда не маленький – тут тебе и нойз с ползающими и орущими статуями, и медитативные космические зарисовки, и загадочные истории об исчезновении, круговых поездах в городе, откуда нельзя уехать, стирании смысла в реальности, убийствах с помощью звуков, неизбежные для того времени фантазии о перенаселении, в которых Баллард не выглядит глупо, как его коллеги, и даже хрупкая зарисовка о битве с армией цветами. Ключевые ноты «Голосов времени» – разнообразие, т.к. он комбинирует рассказы из разных исходных сборников, и характерное для Балларда слияние живого с неживым.

Во-вторых, у тебя почти нет ощущения, что ты читаешь ретро. Конечно, Баллард транслирует типичный для тех времен голос утомленного браком образованного мужчины средних лет, но тексты с элементами сюрреализма хорошо стареют, живя почти вне времени. Например, там есть одновременно издевательский и очень красивый рассказ про мир, где поэты пишут стихи с помощью компов, сами ничего не придумывают, и один из них должен умереть, чтобы муза вернула им возможность хоть что-то делать руками.

Баллард умеет на короткой дистанции показать психологию персонажа, у него заметная эрудиция и мастерство открытых концовок, поэтому в целом сборник доставил мне радость. Мне ближе рассказы, где он поэтичен и загадочен, а не прагматичен.

Жанна Пояркова

Александр Беляев «Голова профессора Доуэля»

Есть книги, которые читаешь скорее из уважения к классике. Открываешь их с мыслью: «Ну да, это важное произведение, но вряд ли оно меня чем-то удивит». С «Головой профессора Доуэля» у меня получилось ровно наоборот. Я ожидал немного наивной советской фантастики с необычной идеей, а получил роман, который спустя сто лет задаёт вопросы, на которые до сих пор нет простых ответов.

Удивительно, насколько легко эта книга читается сегодня. Конечно, в ней чувствуется эпоха – язык, ритм повествования, некоторые сюжетные решения. Но всё это перестаёт иметь значение уже через несколько десятков страниц. Беляев очень быстро делает главное: заставляет поверить в невозможное. И дальше ты уже не думаешь о том, насколько реалистично существование головы, живущей отдельно от тела. Ты начинаешь думать совсем о другом.

Вообще, самое интересное в этом романе – не научная фантастика. Она здесь скорее инструмент. Беляев использует необычный эксперимент только для того, чтобы поговорить о людях. О том, что происходит с человеком, когда знания начинают давать почти безграничную власть. И о том, насколько тонкой оказывается грань между научным открытием и преступлением.

Когда роман вышел в середине 1920-х годов, описанные эксперименты выглядели чистой фантастикой. Сегодня многие вещи уже не кажутся такими невероятными. Современная трансплантология, искусственное поддержание жизни, нейрохирургия – всё это невольно заставляет смотреть на книгу иначе. Беляев, конечно, не мог предсказать реальные медицинские технологии XXI века, но он очень точно почувствовал главное: чем больше возможностей получает наука, тем тяжелее становятся моральные вопросы.

Наверное, именно поэтому главный антагонист романа производит такое сильное впечатление. Доктор Керн не похож на карикатурного безумного учёного, который хохочет над пробирками и мечтает захватить мир. Он гораздо страшнее. Он умён, спокоен, талантлив и абсолютно убеждён, что цель оправдывает средства. Для него человек постепенно превращается в объект исследования. В материал. В удачный или неудачный эксперимент.

И вот здесь Беляев попадает в самую болезненную точку. Ведь проблема никогда не была в самой науке. Любое открытие можно использовать поразному. Вопрос всегда в том, кто держит в руках знания и зачем они ему нужны. Это звучит настолько современно, что временами забываешь, сколько лет этой книге.

Сам профессор Доуэль тоже оказался совсем не таким персонажем, каким я его представлял. Казалось бы, человек лишён тела – что вообще можно сделать с таким героем? Но именно он становится эмоциональным центром всей истории. Его беспомощность вызывает не жалость, а какое-то тяжёлое внутреннее чувство несправедливости. Беляев показывает человека, который сохранил разум, память, достоинство и волю, но оказался полностью зависим от чужих решений. И именно поэтому трагедия профессора ощущается гораздо сильнее любого физического ужаса.

Мне вообще кажется, что «Голова профессора Доуэля» – не столько роман ужасов, сколько роман о человеческом достоинстве. Да, здесь есть пугающие эксперименты, медицинские подробности, напряжённые сцены. Но страшно становится не из-за них. Страшно от мысли, что человека можно перестать воспринимать как личность. Что достаточно объявить кого-то материалом для исследования – и дальше уже очень легко переступить через любые моральные ограничения.

При этом Беляев не читает лекций. Он не пытается навязать готовые выводы. Просто показывает ситуацию, а дальше мы сами начинаем задавать себе неудобные вопросы. Если можно победить смерть такой ценой – стоит ли это делать? Где заканчивается лечение и начинается эксперимент над человеком? И кто вообще имеет право решать подобные вещи?

Ещё одна причина, по которой роман до сих пор работает, – удивительное чувство меры. Сегодня подобный сюжет наверняка растянули бы на шестьсот страниц, добавили десятки побочных линий, заговоры корпораций, спецслужбы и мировые катастрофы. Беляев обходится без всего этого. История компактная, почти камерная, но именно поэтому напряжение не рассеивается. Каждая сцена двигает сюжет вперёд, а каждая встреча героев имеет значение.

Конечно, книга не идеальна. Некоторые второстепенные персонажи выглядят скорее носителями определённых идей, чем живыми людьми. Иногда чувствуется литературная манера своего времени, а отдельные совпадения выглядят слишком удобными. Но всё это удивительно быстро перестаёшь замечать. Роман цепляет совсем другим.

Мне кажется, секрет его долголетия очень простой. Беляев писал не о технологиях. Он писал о человеке, который однажды получает возможность делать почти невозможное. А дальше всё зависит уже не от науки, а от совести. Именно поэтому роман не устарел. Меняются медицинские открытия, появляются новые технологии, но человеческие соблазны остаются теми же.

Итог: После «Головы профессора Доуэля» остаётся не ощущение прочитанного приключения, а желание ещё какое-то время подумать о книге. Хорошая фантастика вообще редко отвечает на вопросы. Она их задаёт. И роман Беляева делает это настолько уверенно, что спустя сто лет продолжает спорить с читателем. По-моему, именно так и выглядит настоящая классика: её читают не потому, что «так надо», а потому, что она по-прежнему умеет удивлять.

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Североян

У нас тут часто бурчат по поводу переводов, в основном с английского. Не ту интонацию переводчик выбрал, что-то перепутал, какой-то фрагмент потерял, где-то насовал отсебятины, имена и термины неправильно оттранслировал и т.д., и т.п.

И я бурчу, особенно когда читаю про *постиронич-ных* азимовских роботов. Но есть и хорошие новости: мы не одиноки во вселенной, друзья! Убеждение, что с фантастикой и другой недолитературой можно работать тяп-ляп – оно интернациональное.

Вот, например, «генерал китайской фантастики» **Лю Цысинь**, лауреат «Хьюго», лауреат «Локуса», любимый автор Барака Обамы. Американские издатели изрядно потоптались на его трилогии **«Воспоминания о прошлом Земли»**. В первом томе, **«Задаче трех тел»**, по сравнению с китайским книжным изданием изменен порядок глав: в переводе роман начинается с флешбэков о Культурной революции, а потом уже идет основное действие. Но так было и в китайском журнальном издании «Задачи», а в книжном переиздании главы «смягчили» и убрали внутрь тома, чтобы лишний раз не злить цензоров. То есть фактически американский читатель получил симбиоз двух китайских изданий, журнального и книжного.

Еще веселее со второй частью трилогии, **«Тёмным лесом»**. Во-первых, редакторка издательства Tor Books настояла, чтобы из текста выкинули все эпитеты, подчеркивающие внешнюю привлекательность женщин, всякие там beautiful, pure и angelic. Потому что это сексизм, а в ближайшем будущем, ясен пень, ~~красивых баб~~ никакой сексуализации женщин не будет, она, редакторка, точно знает. Что там хотел сказать автор, как он через эти эпитеты характеризует героев – до лампочки.

Но самое смешное не имеет отношения к цензуре, китайской или американской. В книге есть отсылка к другому роману Цысиня, «Шаровой молнии», который на тот момент в США еще не вышел. Издатели уперлись рогом: надо что-то с этим делать, иначе наш ~~тупенький~~ читатель не поймет. Лю Цысинь сказал: «ОК» – и накатал здоровенный кусок текста, чтобы сохранить эту сюжетную линию. Однако американцы его креатив использовать не стали, просто переписали эпизод с нуля, да так и напечатали.

Случай не единичный, проблема системная. Например, американское издание романа **«Vita Nostra» Марины** и **Сергея Дяченко** отличается от русскоязычного, а продолжения отличаются еще сильнее. С согласия и при участии соавторов замечательная переводчица меняет цитаты. Расширяет диалоги. Сдвигает акценты с метафизики на «отношеньки». Подробно объясняет то, что объяснять категорически не следует – например, механику метаморфозы, преображения человека в Слово. Зачем? *Чтобы мотивация героев была понятнее американским читателям.* Как тут не вспомнить знаменитую фразу Задорнова.

Вишенка на торте, конечно, финал заключительной книги цикла (ее не очень жалко, но все-таки): кусок текста просто переписали. Потому что мы позиционируем цикл как произведение в жанре «Темная Академия», значит, финал должен быть таким, как положено в Темной Академии, а не как авторы там себе напридумывали!

Напомню, это не Рита Райт-Ковалева времен Холодной войны. Это США, середина 2010-х. Издатели и переводчики, которые работают не с безвестными ноунеймами, а с уважаемыми, популярными на родине, отмеченными крупными премиями авторами. Не знаю, как поступают переводчики на французский или там на немецкий, но в американской традиции рабского следования оригиналу определенно нет. По крайней мере, если речь о низкопробном «жанре».

Половину выкинул, половину переписал. Чай не Шекспир.

Василий Владимирский

8 октября:

Искусство, грубо говоря, орет

Текст: Лиза Биргер

В «Редакции Елены Шубиной» готовится к выходу сборник Шамиля Идиатуллина «Автор ничего не хотел сказать» – его первая нехудожественная книга. В нее вошли тексты о Киплинге и Егоре Летове, братьях Стругацких, Кире Булычеве и современной фантастике. В интервью Лизе Биргер дважды лауреат премии «Большая книга», автор «Города Брежнева» и «Бывшей Ленина» рассуждает о том, как он читает и как пишет, советует изучать 1980-е и ставить себя на чужое место.

Берите пример с братьев Стругацких

Объективно – это лучшие авторы советской фантастики. Если не ошибаюсь, из всего, что вышло в Советском Союзе с 1917 по 1991 год, больше никого сегодня столько не переводят и не переиздают: одну и ту же книжку могут перевести на английский или арабский пять, шесть, семь раз. Булгаков просто мало написал. То есть они действительно самые крутые.

В моем детстве Стругацких не было. Я 1971 года, а их с 1974-го по 1985-й толком не издавали. В Советском Союзе цены писались на всех товарах официальные, одинаковые для всех. На книжках сзади стоит рубль двадцать, потому что книга может стоить только рубль двадцать. Потом ее перепродают за пять, семь, десять, двадцать рублей. Стругацких перепродавали, причем не только официальные книжки, но и перепечатанные на машинке через четыре копирки, скверно сделанные, переплетенные. И не только запрещенные, вышедшие за границей «Гадкие лебеди» или «Улитка на склоне», но и вполне себе выходившие огромными тиражами в Москве тоже становились дефицитом. За это могли и посадить, потому что спекуляция была уголовным преступлением.

До меня эти книги не доходили, поэтому я мечтал их найти. В «Городе Брежневе» есть эпизод, где главный герой, который в этой части списан как раз с меня, в пионерлагере просит вожатого – не очень умного, но притворяющегося начитанным, – рассказать про «Трудно быть богом». Ну, тот толково, деловито пересказывает ему вместо этого «Альтиста Данилова». Это эпизод из моей биографии. Потом, когда я «Трудно быть богом» наконец нашел, я некоторое время не мог понять, а где, собственно, эти часы, где альты, где музыка.

«Альтист Данилов» – роман Владимира Орлова про музыканта-демона, вышел в 1980-м и мгновенно стал таким же дефицитом.

Но когда я наконец до Стругацких добрался, случился эффект непревзойденных ожиданий. Книжка была не самая видная, знаменитый перевертыш: с одной стороны «Стажеры», раннее фантастическое и еще коммунистическое, с другой – «Второе нашествие марсиан», очень ехидная притчеобразная штука. «Второе нашествие» я не распробовал, был еще молод, сейчас перечитываю с наслаждением. А «Стажеры» были попаданием в сердце и любовью навсегда.

Стругацкие создали целый класс литературы и целый класс читателей, выковали его, подтянули до своего уровня. И лет двадцать-тридцать они были для советского читателя тем, чем для американского была целая толпа людей и явлений: от комиксов и страшных историй до хардовой фантастики, фэнтези, мистических приключений, сериалов

про сумеречную зону. Все это разнообразие они закрывали вдвоем.

Я тогда, конечно, этого не понимал. Мне хватало того, что это очень здорово и очень легко написано. Рок-н-ролльщики говорят: у нас музыка – три аккорда. Но это правильные три аккорда. Стругацкие были больше, чем три аккорда, и они были совершенно правильными.

Вдумчиво читайте – а затем перечитывайте

В десять-одиннадцать-двенадцать лет мне можно было предложить любое удовольствие – игрушки, картинки, поход в Диснейленд, о котором я ничего не знал, – или любую фантастику. Я бы, конечно, выбрал книгу, а не поход в кино. Кино – это быстро, раз – и все. А книжка всегда с тобой, сможешь перечитывать.

В зрелом возрасте у меня мыслительный скрипт завязан в первую очередь на книге, и я все соизмеряю книгами. И это реальное удовольствие – интеллектуальное, чувственное, почти физиологическое. От хорошей книги начинаешь бегать по дому за несчастными родственниками с попытками им что-нибудь зачитать вслух, процитировать, а они от тебя убегают и отбиваются, потому что давно с тобой живут.

Есть такой тип читателя: братья Стругацкие называли его квалифицированным, я называю упорным. Для Стругацких первым критерием была способность не только вдумчиво читать, но и перечитывать – и, перечитывая, снимать дополнительные слои удовольствия, понимать глубже, шире, с новыми чувствами. Не что хотел сказать автор – потому что автор ничего не хотел сказать, – а что получилось. Вот это, наверное, и отличает упоротого читателя от нормального человека.

Упаковывайте в истории все, что видите

Так получилось, что я практически с детства журналист. Первая заметка в газете вышла, когда мне было двенадцать. Даже в двух газетах, обеих городских, которые, не сговариваясь, перепечатали куски из моей заметки, написанной летом за два компота для стенгазеты в пионерлагере. Вожатым нечем было заполнять стенгазету, мы только что съездили на экскурсию по местам воинской и партизанской славы, там я купил и по пути обратно прочитал книжку «В катакомбах Аджимушкая», вожатые знали, что я не дурак потрындеть и помню массу анекдотов – вот все и сошлось. С шестнадцати – уже профессиональный журналист, в отделе писем редакции газеты «Рабочий КамАЗа». С тех пор я от газетного станка отпадал только на втором курсе журфака Казанского университета, когда перевелся с заочки на дневное и решил отдохнуть. Мне хватило на полгода.

А попутно мне начали делать карьеру. Я сам этого совершенно не хотел: сначала стажер, потом корреспондент, обозреватель, замзавотделом, завотделом – это нормально, продолжаешь писать. Потом хоп – зам главного редактора, потом хоп – главный редактор. И писать тебе уже нельзя, потому что плохо, когда главред пишет сам: он, получается, ест хлеб своих корреспондентов. У него корреспонденты должны писать, а не его руки. Я это с большим трудом понял и писать перестал, заткнул себе фонтан.

И выяснилось, что эти желёзки, которые раскачаны и привыкли каждый день исторгать сотни строк, никуда не делись. Мозг привык все, что видишь, упаковывать, сразу придумывать начало, концовку, заголовок. Все, что я видел, у меня было нашинковано на отдельные истории, которые занимали такую или такую часть полосы: вот это я могу предложить «Коммерсанту» в Москве, а это

я в своей газете оставлю, в казанской. Когда я видел что-нибудь форматное, связанное с деловой жизнью, я все это на несчастных корреспондентов сбрасывал, они писали. А когда видел что-то такое, что не попадало под формат делового СМИ, оно все равно меня душило. И душило все сильнее.

И в итоге придумалась какая-то история, которая начиналась с того, как маленький сын будит героя среди ночи, потому что они пропустили внеурочный салют – только это не салют, это их город бомбят. Так сложился сюжет первой моей книги, и я с ней две или три недели носился и пытался не писать. Как раз тогда я торжественным порядком закрыл в газете последний свой свисток, в который у меня пар выходил, – колонка такая была, еженедельная с логичным названием «Семь дней», в которой иногда иронически, но чаще глумливо анализировались основные итоги истекшего периода. Все, больше я ничего не пишу. Через три недели я ночью лежал и ворочался потихоньку, чтобы никого не разбудить. Встал, пошел к компьютеру и начал набивать пролог своего первого романа.

Этим романом стала «Ruccia» – технотриллер о том, как трения федерального центра с Татарстаном перерастают в войну, в которую вмешивается Вашингтон. Три года рукопись не двигалась: по словам Идиатуллина, «отсутствие дедлайна расслабляет профессионального журналиста до полного разложения». А затем он дописал ее за месяц, увидев объявление о литературном конкурсе. В 2005-м книга вышла в издательстве «Крылов» под названием «Татарский удар», в 2025-м переиздана как «Мировая».

Пишите, чтобы узнать, чем все закончится

Я так или иначе должен что-то писать, и если меня работодатель не заставляет этим заниматься, то заставляет, как Горький говорил, честная привычка здорового тела. Но это не значит, что писать мне нравится. Во-первых, это отвлекает меня от более приятных занятий: я лучше бы книжки сам почитал чужие, с семьей пообщался. А приходится сидеть примерно год, иногда дольше. Во-вторых, в процессе это достаточно тяжело. Как какой-нибудь шелковичный червь, который из своего пуза вместо кишок тащит шелковую нить. Не то чтобы ему это сильно нравилось – а что поделаешь.

Красивейшее сравнение я придумал в свое время: ракушка-жемчужница. Она же не сильно рада жемчужину порождать. Просто ей песчинка попадает между створок, а она мягенькая, беззащитная, и эта песчинка ее страшно уязвляет, мучает, протыкает насквозь. Спасаясь, она начинает накидывать на эту песчинку слои перламутра. Один, второй, третий, пятый, седьмой – чтобы не так больно было. Ну вот потом хоп – уже и ракушки нет, а вместо нее жемчужина.

Казалось бы, не пиши. Но не писать не получается.

Главная радость – помимо банального освобождения, когда все, свободен, можно больше не корячиться, – это довести историю до конца. Я пишу для того, чтобы узнать, чем все кончилось. Когда я придумываю, я прекрасно знаю, чем все кончится, – и точно так же знаю, что, если начну писать, все в итоге будет совершенно иначе. История не существует, пока я не начал ее рассказывать. А начал – и она потихоньку наливается кровью, облепляется мясом, у героев укрепляются костяки, они начинают вести себя по-своему, Татьяны выкидывают понятные штуки с автором, выходят замуж, возникают внезапные паровозы, кто-то гибнет, хотя его не просили, заразу, этого делать, а кто-то второ-третьестепенный оказывается самым главным и перетягивает на себя все одеяло.

А потом я дописал – и понимаю, что получилась абсолютнейшая хрень. Ну окей, бывает. Перечитываю – вроде ничего. На третьем перечитывании ты историю еще чистишь потихоньку, чтобы никто не заметил. Никто же не знает, что она совсем плохая была. И она начинает играть, и ты уже знаешь ее до конца, и она, оказывается, нормальная вышла. Не то чтобы любимая, но хорошая история, и она тебя порадовала. Вот это счастье.

В 2010-м вышел второй роман писателя, «СССР™» – социальная утопия о городе, который строят посреди сибирской тайги, чтобы собирать там отечественные супергаджеты и электромобили; сам автор называет ее «грустной утопией про Илона Маска в Сибири – за десять лет до явления миру реального Илона Маска». А в 2012-м – «Убыр»: подросток Наиль понимает, что в родителей вселилась древняя татарская нечисть, и остается с младшей сестрой один против нее, без всяких инструкций. Книга, которая вышла под псевдонимом Наиль Измайлов, стала первым лауреатом новоучрежденной премии за лучшую фантастику «Новые горизонты» и получила Крапивинскую премию. Через год вышло продолжение, «Убыр. Никто не умрет», – и с тех пор за Идиатуллиным закрепилась репутация подросткового писателя – хотя сам он себя детским автором не считает.

Не боритесь с собственной репутацией

Я пытался покончить с репутацией фантаста и детского писателя, которым не являлся, но меня так все время называли. Потом понял, что с репутацией покончить невозможно, – поэтому, если не можешь побороть, возглавь. Возглавить тоже невозможно, но я хотя бы сделаю вид: напишу подростковую фантастическую повесть. Написал «Это просто игра». Никому она особо не понравилась, мне она страшно понравилась, до сих пор нравится.

Реально, на самом деле – сейчас, товарищ Сталин, произошла страшная ошибка: все считают, что «Убыр» – это подростковая повесть. А это не детский текст, это очень родительский текст, он для родаков. Дети читают, ничего не понимают, им не нравится, они считают, что их пугают, а им не страшно. Претензии очень разные, одна смешнее другой. Одна девочка написала в отзыве: ну да, мы так говорим, зачем это в книгу тащить? Было два-три случая, когда девочки четырнадцати-пятнадцати лет страшно хейтили «Убыра», им очень это не нравилось. А потом они его перечитывали – в двадцать два, двадцать три года – и говорили: какая офигенная книга. Вот сейчас состаритесь, думал я, и станете моими поклонниками.

Я в этом случае привожу пример товарища Твена, потому что он написал формально дилогию. «Том Сойер» писался скорее для взрослых: там взрослый слог, взрослый стиль, много шуток, которые человек младше двадцати пяти вообще не поймет. Но это детская книга. Она так и так получилась детской, несмотря на то что повествователь – взрослый человек, который взрослым словом все излагает. А «Гекльберри Финн», где центральный персонаж – подросток-гопник, маленький бродяга, где все упрощено, нарочитая лексика и все идет через оптику персонажа, – это большой американский взрослый роман. Абсолютно взрослая книга. Такое бывает. В американской литературе особенно часто.

И Кинг там же, и Брэдбери, и «Убить пересмешника» Харпер Ли – это ни в коем случае не детские книги, хотя герои все дети.

Поэтому я себя детским автором уже... Я приложил все усилия, чтобы им себя не чувствовать хотя

бы в этой части, но все равно так вот – сварщик немножко ненастоящий.

С «Убыром» вообще анекдотическая история. Мои дети не относятся к поклонникам моего творчества и особо не спешили читать никаких моих книг. Ситуация сломалась ровно на «Убыре», потому что к сыну стали подходить одноклассники и спрашивать: слушай, я правильно понимаю, что вот этот парнишка – это я? Потому что действительно у одноклассников что-то было подсмотрено. И сын делал вид, что понимает, а на втором или третьем подходе сломался и побежал читать.

Мой опыт показывает, что, даже если ты срисовываешь знакомого в ноль, абсолютно один к одному, и боишься, естественно, что он это поймет и начнет талантливо бить тебе морду, – он не понимает никогда. Прям совсем никогда. Какое-то время я списывал это на свою неумелость, что плохо срисовываю, непохоже. Потом коллеги-писатели сказали, что у них тоже так. А еще я прочитал у кого-то из великих, что прообразы себя в персонажах не узнают. Хотя как минимум в первой книге прообразы себя узнали – я там вывел наших семейных друзей, и они радостно: а это я, а это я.

В 2017-м вышел «Город Брежнев» – семисотстраничный роман об одном годе, 1983-м, в городе Набережные Челны, которые переименовали в Брежнев после смерти генсека. Герою четырнадцать, вокруг пионерлагерь, дворовые войны, первая любовь и взрослые с их производственными бедами. Роман занял третье место «Большой книги».

Изучайте 1980-е – все растет оттуда

Я считаю, что любой человек может написать одну хорошую книгу – про себя, про свое детство. И «Город Брежнев» должен был стать моей первой книгой. Но обстоятельства сложились так, что он стал шестой.

Исходно это была просто необходимость закрыть гештальт. Я лет в двенадцать придумал, что напишу повесть про пионерлагерь, которая будет называться «Королевская ночь». Даже не помню, стал я в итоге это писать или нет, – у меня довольно много ювеналий, к счастью, сгинуло без возврата. Но идея была, и первая часть «Города Брежнева» так и называется – «Королевская ночь». С тридцатилетним опозданием галочку поставил.

Во многом «Город Брежнев» писался, чтобы рассказать про время, которое казалось мне довольно интересным и очень важным. Определяюще важным для текущей эпохи. Почему у нас жизнь вот так устроена? Потому что ее люди устроили. А что это за люди? Это люди, которые в восьмидесятые годы были детьми, молодыми людьми, людьми в цвете сил. Они именно в это время ковались, придумывали себе правила, законы, понятия – и потом живут и заставляют других жить по ним. И наша страна очень напоминает Советский Союз восьмидесятых. Даже если вглядеться в поведение людей, которые Советский Союз не застали, они все равно по этим рельсам продолжают катиться.

Мне хотелось эти рельсы нащупать, показать. Они твердые, они не теплые и не холодные, они куда-то упираются или, наоборот, куда-то ведут. Это не запасный путь. И бронепоезд там стоит довольно особенный. Давайте мы в этом разберемся. Поэтому я написал этот роман.

А потом как-то получилось, что даже вне моей воли стали рождаться вещи с шагом в два года. Елена Шубина спросила, хочу ли я поучаствовать в сборнике про советское время, – я написал рассказ «Стране нужна бумага», действие происходит в 1981-м. Восемьдесят третий – «Город Брежнев».

Восемьдесят пятый – «Возвращение “Пионера”»: из 1985 года герои стартуют в космос, а потом оказываются в 2021-м. Восемьдесят седьмой – «Смех лисы». И вот сейчас роман, который я пишу: действие происходит в наше время, но отсыл там к 1989-му.

Сначала это было простым совпадением. Восемьдесят третий для «Города Брежнева» был определяюще важен, потому что это слом эпох. А 1981-й возник почти случайно – там побочная линия, связанная с изъятием книжек из школьных библиотек. Книжки Василия Аксенова. Почему? Потому что он уехал. Когда уехал? Значит, у нас это 1981 год. Потом я посмотрел: о, два года – и само срастается. А 1985-й – ну само собой, тут еще один слом эпохи. Важное время, которое сейчас из подтертой исторической памяти воспринимается как начало перестройки, но это неправда. Перестройки еще не было. Но Горбачев уже был. И комета Галлея подлетала.

Так вышло, что год моего рождения и несколько лет вокруг были не очень урожайными, в том числе на писателей. Людей, которые про восьмидесятые пишут, не очень много. Я «Город Брежнев» долго не начинал писать, потому что надеялся, что кто-нибудь про это очень важное время напишет до меня. Но никто не стал.

Но растет все оттуда. Не столько из девяностых пресловутых лихих, не столько из тучных нулевых и тем более не из семидесятых, которые – последнее счастливое десятилетие обозримой нашей истории, когда все сыты, ни с кем до семьдесят восьмого года не воюем, короткие юбки, все нарядные, все накрашенные. Все понимают, ради чего живут: не ради строительства химер, не ради встречных планов, а ради жизни, ради детей, ради базовых человеческих потребностей. Не это оказалось нашим главным – к сожалению или к счастью, – а именно восьмидесятые.

Через два года после «Города Брежнева» Идиатуллин впервые написал роман про сегодняшний день. «Бывшая Ленина» (2019) – про сорокалетнюю Лену из вымышленного города Чупова, ее семью, работу и сам город, задыхающийся от мусорного полигона под боком. Второе третье место «Большой книги» и первая книга в издательской серии «Актуальный роман».

Ставьте себя на чужое место

Понятно, что первые книжки пишутся про себя. А вот с «Бывшей Ленина» у меня реально пошла такая женская, что ли, полоса – и это было решение, продиктованное потрясением. Я решил покопаться во вдруг прорезавшемся вокруг феномене: все стали разводиться. Друзья, знакомые, близкие доходят до этого. Сорок с небольшим – принимаются разводиться. Жили душа в душу, созданы друг для друга, элементы пазла – и вдруг все. Причем иногда мирно, интеллигентно, а иногда прямо со скрежетом зубовным: всю жизнь ты мне, жаба, испортила, – а ты сволочь вообще, как я тебя терпела.

На мужское место я поставил себя довольно легко. Мне это не нравится, психологически я этого не разделяю, но понятно, откуда что взялось.

А потом я поставил себя на место женщины. Ты с мужем претерпеваешь по молодости огромные неудобства, спиногрызы подрастают, надо их всех распихивать, устраивать, и жизни как таковой нет совершенно. Ты живешь ради других, понимая, что это все тебе потом воздастся, не сторицей, но как-нибудь. Вот сейчас дерево посадишь, детей во взрослую жизнь выпихнешь – и дальше можно жить для себя. И вот ты до этого дожила, и оказалось, что тебя жизнь предала. Нет больше жизни. Ее сломали об колено. Ребенок уехал, ему неинтересно. Муж, оказывается, последние годы зубами

поскрипывал и терпел, ждал, пока ребенок вырастет. Он ответственный, он молодец, он собой очень гордится, что дотерпел до этого момента. И смысл жизни – все, нет его. Ложись да помирай. А помирать непродуктивно, тем более что есть люди, за которых придется отвечать, потому что привычка такая – отвечать за всех.

Я в такую женщину влез на основании своих наблюдений и двух-трех наиболее близких к этому типажу знакомых тетенек. А дальше уже, видимо, привычка возникла. Журналистика, как и многие другие гуманитарные профессии, женская профессия, окружение было преимущественно женское: тетеньки моего возраста, тетеньки отчаянно моложе. Наблюдать за ними интересно и приятно – и боязно за них. А это сочетание, по-моему, наиболее мощный пинок для любого автора, чтобы попытаться выкрутить верньер и посмотреть, что будет.

После «Бывшей Ленина» вышли этнофэнтези «Последнее время» (2020) и «Возвращение “Пионера”» (2021), где трое советских школьников стартуют в космос из 1985 года и возвращаются на Землю в наше время. Потом три жанровых романа подряд: «До февраля» (2023) – студентка находит в архиве литературного журнала рукопись триллера от лица серийного убийцы, и описанные убийства оказываются настоящими; «Бояться поздно» (2024), получивший премию «Русский детектив», – компания приезжает на турбазу под Казанью тестировать игру, которая оказывается смертельной петлей; и «Смех лисы» (2025) про эпидемию боевого вируса на Дальнем Востоке 1987 года, вышедший сначала аудиосериалом в «Яндекс Книгах». Сейчас Идиатуллин пишет тринадцатый роман – двухчастный детектив с элементами готики. Главному герою за 50, дело происходит в наше время, но 1980-е опять возвращаются – на этот раз как время отцов, то самое прошлое, с которого начинается настоящее.

Выкрикивайте то, что чувствуете

Любое развитое общество делегирует и разделяет полномочия так, чтобы обеспечить себе выживание. Кто-то организует забивание холодильника, кто-то выращивает зерно, кто-то охотится, кто-то обороняет рубежи. Если представить общество как большой организм, оно под каждую задачу выращивает отдельные органы. Ни один из них не является самым важным и единственно возможным, ни один не выживет без других, и без какого-то органа общество живет скучно.

Когда общество доходит до развитого этапа, оно выращивает три органа, отвечающих за замер температуры за бортом и доклады об этом. Оно выращивает журналистику – для прямого репортажа о том, куда мы катимся. Вот мы катимся, лес густеет, сполохи становятся все ярче, температура повышается, обычно после этого мы сгораем или обугливаемся. Сами решайте, что делать, – мы не за ум отвечаем, не за решение, мы отвечаем за репортаж. Второй орган – социология: она замеряет давление и пульс.

А писатель и искусство в целом доносят через нервы то, что мы ощущаем. Оно орет, грубо говоря: ой-ой-ой, больно-больно-больно.

Нормальное общество ко всем этим органам прислушивается, принимает их во внимание. Общество ненормальное начинает эти органы игнорировать, либо давить, либо отсекать, либо замазывать, чтобы они не мешали планомерному движению к поставленной цели. Ну и кто-то выживает, кто-то нет. Я считаю, что никто с писателей эту обязанность не снимал. Надо орать. Орем, насколько хватает наших слабеньких связок.

Шамиль Идиатуллин

Ми, бувало, смiялись, пшли тi роки,
Ми, бувало, боялись, пшли тi роки,
Все навколо змiнилось, ми iншими стали.
Задзеркалля? Чи я там? Пiшли тi роки.

Генри Лайон Олди

9 октября:

Почти 20 лет назад, в 2007 году, я весело шутил в ЖЖ:

Расползучие отблески

Книга 1: «Красное на красном» (один том), 544 стр.

Книга 2: «От войны до войны» (один том), 576 стр.

Книга 3: «Лик победы» (один том), 752 стр.

Книга 4: «Зимний излом»: часть 1 – «Из глубин» (один том, 640 стр.), часть 2 – «Яд минувшего» (два тома по 480 стр.), в сумме 1600 стр. Я все правильно понял?

Книга пятая, надо думать, будет состоять из двух частей в два и три тома соответственно страниц эдак в 3500.

Вот почему я боюсь читать фэнтезийных бытописателей вроде Камши и Мартина. Оно расползается!!! :)

Реальность 20 лет спустя:

Вера Камша

Ветер и вечность. Том 2. Песнь Четверых

Вторая часть четвёртой книги третьего тома пятого романа цикла «Отблески Этерны».

Жизнь дает иронии по соплям и угарцовывает на серо-буро-малиновом коне в кровавый отблеск Этерны.

Николай Караев

10 октября:

На этой неделе все дружно порадовались (или возмутились) после объявления очередных лауреатов Нобелевской премии. Оглашение результатов по литературе традиционно вызвало бурю эмоций, потому что поди еще разберись, по какому там поводу награждают физиков и химиков, а книжечки-то вот они, доступны всем. Читательская обида за любимых писателей, не получивших заслуженной награды, тоже вполне себе подогревает ресентимент

по отношению к ничего не понимающим в настоящем искусстве академикам.

Кстати, о любимых писателях. Про Лема долгие годы ходили упорные слухи, что ему вот-вот должны были вручить ту самую Нобелевскую премию. И кое-какие основания у таких подозрений были.

В 1972 году с Лемом связался польский генерал Францишек Шляхциц, чтобы обсудить возможность его выдвижения на Нобелевскую премию. Такие встречи с творцами были частью государственной политики по “приручению” литераторов. Лем, с точки зрения правительства, неплохо подходил на роль литературного амбассадора режима: он не только был одним из самых известных польских писателей в мире, но и, в отличие от своих друзей и знакомых, предпочитал никогда не вступать в прямую конфронтацию с властями.

Генерал основательно подготовился к встрече с Лемом и прочитал его романы, так что разговор этот для фантаста должен был быть как минимум лестным, а не только нервным. Шляхциц пообещал похлопотать о переводе его книг на шведский язык и обещание свое сдержал: “Солярис” на шведском был опубликован уже в следующем году. Еще генерал напрямую спросил Лема, какую помощь ему могли бы оказать власти. В письмах друзьям фантаст утверждал, что ответил, что ему ничего не нужно. Но по подозрительному стечению обстоятельств именно после этой встречи Лему позвонил аж министр финансов и дал свое личное разрешение на покупку вожделенного “мерседеса” в ФРГ. Совпадение? Не думаю.

Впрочем, до настоящей номинации дело в итоге так и не дошло. В 1974 году Шляхциц инициировал подачу кандидатуры Лема на Нобелевскую премию, но на каком-то этапе процесс затормозился. По крайней мере, в архивах Нобелевской премии, которые пока открыты только до 1975 года, нет информации о том, что Лем номинировался в это время. Возможно, позже его кандидатуру кто-то все же выдвинул (увы, как мы знаем, безуспешно), но подтверждение или опровержение этому мы получим, только когда будут открыты архивы.

Сам Лем относился к потенциальному получению престижной награды философски. Он считал это событие достаточно вероятным, но допускал, что для него все может закончиться только номинацией. Похвальная сдержанность с его стороны.

Инар Искендирова

11 октября:

Отказ от иллюзий

В 2000-х годах русскоязычную фантастику сотряс рукотворный шторм под названием «НФ-возрождение». Неожиданно для всех объявились несколько энтузиастов, которые, объединившись, решили произвести революцию в фантастике и вывести НФ на передовую литературного процесса.

Под эгидой НФ-возрождения за несколько лет они сделали всякое: создали малое издательство (Снежный Ком М), где публиковали не совсем типичную фантастику, сами что-то писали, а также публиковали статьи и очень шумели в соцсетях, вызывая волны обсуждений. Научная фантастика, утверждали они, является «золотым сечением» фантастики вообще. Краеугольный камень, без которого фантастика вырождается до примитива. И вот мы, такие смелые и хорошие, сейчас все изменим.

Поверив в благие намерения, я тоже их поддержал и вложился в ряд их книг и инициатив, при том что почти сразу же возникла критика движения, и вписываться за них было не очень безопасно.

Иллюзии прошли очень быстро.

Кризис НФ, утверждали они, — это прежде всего кризис мировоззренческий. С этим я был готов согласиться и тогда, и сейчас.

Как выяснилось, мировоззрение некоторых участников было вовсе не таким, которое я бы предпочел видеть у людей, за которыми стояло бы будущее научной фантастики. Из тройки «возрожденцев» Первушин-Веров-Минаков сохранил мое уважение только Первушин. Минаков оказался очень слабым писателем, а Веров (он же Гусаков), тоже не такой уж талант, — еще и не самым порядочным человеком. В частности, Веров в своем ЖЖ публично, через пост, обозвал меня очень нехорошим словом в ответ на критику, приводить не буду.

Но это был сразу жирный крест на них как на «передовых» НФ писателях. Тем более что их собственные тексты оказались слабыми и во многом пустыми. Если бы за склочностью стоял действительно талант, если бы заявленные слова о необходимости качественной НФ чем-то подтверждались, еще можно было бы рассуждать (помним Харлана Эллисона и, в каком-то смысле, Станислава Лема). Но, как видится, заявляя определенное мировоззрение, некоторые «возрожденцы» имели совсем иное. Спасибо, не надо.

Провал движения был обусловлен и другими факторами, конечно; прежде всего — это отрицательная динамика читательской квалификации. Именно в это время мы могли наблюдать первый сезон сериала «Крутое читательское пике», когда под дружное улюлюкание русскоязычный читатель выбрал ресентимент и реваншизм, а вместе с ними и низкопробный фантастикосодержащий продукт. Шансов у НФ, даже хорошо написанной и несущей положительные ценности, не было.

Василий Владимирский в свежем эпизоде «ФантКаста» от 10-го октября «Старая добрая советская антиутопия» тоже высказывает эту мысль: важна именно динамика, а не текущее состояние дел. Пока нет положительной динамики, нет и окна Овертона для хорошей научной фантастики.

Я не питаю иллюзий: динамика еще не выправилась, и пока тому нет предпосылок. Ни на какую революцию я лично не рассчитываю и сам к ней не стремлюсь. Мне важно, чтобы хорошую научную фантастику хотя бы писали — потому что она должна быть написана, и над ней еще может взойти солнце.

Александр Гранин

Олди, знаете ли, работают несмотря ни на что. Ну, это не новость. Новости ниже:

– На сайте «Мир Олди» опубликован новый роман-дилогия «Карп, дракон и журавль» из цикла «Чистая Земля».

Спасибо Евгению Ступникову, неутомимому админу сайта!

– Написан роман «Сон бабочки в летнюю ночь» из цикла «Чистое Фэнтези» (Реттийский цикл).

– В издательстве «Фолио» вышли в свет книги «Герой должен быть один» и «Эллада». Была допечатка ряда тиражей, которые закончились.

Идёт работа над новой книгой «Особенное время». Подписан договор ещё на несколько книг. Детали позже.

– Рассказ «Автограф « был одновременно опубликован в альманахе «Радуга» (Киев) и альманахе «Дерибасовская / Ришельевская» (Одесса).

– В августе состоялись три творческие встречи с читателями в Харькове. В сентябре – две творческие встречи во Львове на BookForum.

– На сайте «Мир Олди» опубликованы музыкальные альбомы с песнями на стихи Олега Ладыженского: «МОНОЛОГИ», «БАЛЛАДА МАСОК», «БАЛЛАДА РЫЖЕЙ МОЛНИИ», «БАЛЛАДА НОЧНОГО ТАКСИ», «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА, или Сорок дней спустя», «РЯБОЙ АНГЕЛ».

– Переведен на украинский язык роман-трилогия «Алюмен». Завершается работа над переводом романа-дилогии «Рубеж». Благодарим наших драгоценных переводчиц Лорину Филоненко и Галину Панченко за неустанный труд!

Также благодарим их за корректуру авторского перевода романа «Сон бабочки в летнюю ночь».

Генри Лайон Олди

«В статье анализируется регулярное, зачастую центральное, сюжетообразующее место фантастического элемента в малой прозе Достоевского послеострожного периода по сравнению с эпизодическим, второплановым присутствием фантастического в крупноформатных романах. Проблематика фантастического в целом рассматривается в контексте развития европейской литературы и критического осмысления фантастического элемента в зависимости от литературного направления, господствующего в определенную эпоху.

Прослеживается эволюция фантастического от опционального сюжетного хода в сатирах и утопиях Нового времени («Человек на луне» Ф. Годвина, «Микромегас» Вольтера и др.) через «чудесное» готического романа ужасов (френетической готики), наследующего восприятие «чудесного» как элемента экзотической культуры (ср. действие готических романов, практически всегда разворачивающееся в чужих для автора странах) к «чудесному» европейского романтизма, где оно или формирует особый мир, противопоставленный повседневной буржуазности, или воспринимается как элемент народной культуры.

В русской литературе «чудесное» воспринимается прежде всего как элемент фольклорной культуры и, следовательно, как элемент малой прозы. Но как элемент мифа и сказки оно также представляет собой макросодержание, заключенное в миниформу. Достоевский, с одной стороны, воспринимает фантастическое как сюжетообразующий элемент именно малой формы, с другой связывает его не только и не столько с фольклором, сколько с «чудесным» в религиозном смысле, что позволяет ему активно пользоваться малыми формами прежде всего как частью более обширных произведений, сохраняя при лаконичности формы крупноформатное содержание; малая форма как манифестация трансцендентного «чудесного» позволяет трактовать малоформатные произведения как «свернутые» романы».

Ковалевская Т.В. Фантастическое в малой послеострожной прозе Достоевского: жанровые

характеристики фантастической прозы в контексте европейской литературы // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35). С 159–179.

Николай Подосокорский

Вот о чём подумала. Фантастам на заметку называется.

Если барионной материи всего 0.4 %, а тёмной 23%, и напихано её в галактические гало и войды под завязку, то звездолёты сквозь неё не пролетят (ибо хоть материя и тёмная, а в гравитационном взаимодействии участвует, да ещё как). Придётся вызывать что-то вроде снегоуборочного комбайна, чтоб прорубать себе дорогу в космосе. Делать червоточины («Что-что!?» – воскликнул физик Дж.Уиллер).

То есть где-то во Вселенной существует фирма, которая оказывает цивилизациям услуги в преодолении межгалактических расстояний...

Дарю идею. Гонорар, как всегда – 2 бутылки пива.

Марина Бернацкая

12 октября:

Отправился из прекрасного октябрьского дня прямо в тёмный и порой неприветливый, но такой манящий космос. Спросите, как же так получилось? (Ну или не спросите, я всё равно расскажу.)

Всё благодаря музыке!

Сходил на вторую лекцию-концерт на ВДНХ, где космический антрополог Денис Сивков рассказывал о точках, в которых смыкаются два мира – музыка и космос. Его слова вновь «иллюстрировали» музыканты из Hauntology.

Сегодня Денис в том числе рассказывал, как внеземные образы помогали некоторым музыкантам

в решении художественных задач. Например, авангардный джазовый композитор Sun Ra, размышляя о месте темнокожих в будущем, активно обращался к теме и эстетике космоса (он вообще утверждал, что прибыл с Сатурна, чтобы проповедовать мир), став в итоге пионером афрофутуризма.

А майор Том, затерявшийся в пустоте астронавт, помог Дэвиду Боуи (который, в свою очередь, был под впечатлением от «Космической одиссеи 2001 года») выразить чувство неземного одиночества. И Pink Floyd по-своему сталкивали, сплавляли два космоса – внутренний и внешний.

Ну и для кого-то внезапно – «Звезда по имени Солнце». Как оказалось, в творчестве «Кино» немало космических образов, а строчки из их песен используют на лекциях в музеях космонавтики («Город стреляет в ночь дробью огней...» как освещение проблемы светового загрязнения в астрономии).

В финале прозвучала вариация на «Fly Me to the Moon». Как рассказали в Hauntology, композиция входит в так называемый джазовый стандарт. К слову, она же, уже в исполнении Фрэнка Синатры,

звучала во время миссии «Аполлон-11». Но все мы, конечно же, знаем её по титрам из «Евангелиона».

Получилось, как и всегда, очень интересно. Следующую лекцию-концерт обещают 15 ноября, тема – музыка, записанная на золотые пластинки «Вояджеров».

Павел Сидоров

«Царь Скорбь» – хороший жанровый сериал, упакованный в большую книгу. Артур – умный и спокойный студент колледжа недалекого прошлого, увлекающийся старыми языками и фольклором. Его мать попадает в тюрьму за активизм, и навещая ее, он случайно помогает девчонке из вайт-трэша. Увы, доброе дело навлекает на него беду – дикая семейка девчонки решает, что шантажировать мажорчика смертью его матери в тюрьме – отличная идея, ведь у Артура есть доступ в библиотеку с дорогими книгами.

Но у Артура есть друзья – богатый потомственный ~~фсбшник~~ Колин, чей дед был автором многих стратегий по захватам и допросам, а также очень интересовался тем, как оккультизм может послужить США, бесхарактерная и очень красивая милаха Элли, скатывающаяся в тихий алкоголизм, близнецы Ван и Донна, один из которых – веселый озабоченный наркоман, а другая – травмированная стерва, верная только компании друзей. И, конечно, Гвин, ведь какой Артур без Гвиневеры, – единственная среди них девушка без тысяч или миллионов на счету, дочка прислуги в Терновниках, имении Колина.

Отчаяние Артура и большое, очень большое количество травы заставляет эту компанию попробовать пойти по стопам деда и провести эксперимент по материализации существа из другого мира, чтобы покарать шантажистов и спасти Артура. И у них это получается. Дракон Царь Скорбь появляется и захватывает их тела, оставляя след взамен на человеческие смерти. Он питается муками жертв, но жертвы тут, кажется, не убитые.

Хилл разворачивает обыкновенную жанровую историю о том, что злом не победишь зла в интересный эпик с элементами темной академии, придавая ей объема и прослеживая с небольшими промежутками, как меняет компанию необходимость каждый год выбирать жертву. Попытки остаться холодными в духе «Тетради смерти» терпят крах, ведь Царь Скорбь усложняет задачу с каждым годом, приближаясь из Долгой Тьмы. Убить серийного убийцу? Идея супер, но заодно умрет пара сотен гражданских рядом. А что, если убийство встроится в экономику? Отказаться от такого становится сложнее. А что, если заманить кого-то в ловушку?

По-моему, история написана с мощным прицелом на экранизацию, да и читается, словно посмотрел какой-нибудь сезон нетфликсовского сериала. Хилл действительно постарался, выбрав и локации, и смены точек зрения так, чтобы читатель предвкушал и не скучал. Временной размах тоже впечатляет. В общем, хорошая жанровая вещь, объем совершенно не ощущается. Мне несколько не хватило недосказанности, какой-то мрачной тайны, внутренней поэзии, все очень... хоть и остросюжетно, но грубовато, очень *по-американски*. При этом если хотите вот прямо сесть – и отключиться от всего на свете, а потом еще обсуждать с друзьями в духе «да зачем он это сделал?!», то выбор хороший.

Единственное непонятное место – это страдания Элли. Не знаю, было ли вырезано что-то (вероятно, да), но красивой, нежной Элли явно не нравятся мужчины, а из-за ее христианского прошлого с женщинами у нее тоже не складывается. С Ваном там тоже все не слава Богу. Каких-то мелких частей

в этой картине не хватает. Оставшегося, впрочем, достаточно, чтобы составить общее представление об этом вопросе.

Кстати, тот случай, когда начала читать из-за крутого названия. Я после «Ключей Локков» полностью забила на Хилла, но не прочитать книгу с таким названием я не могу.

Жанна Пояркова

Нобелевскую премию по физиологии и медицине в этом году присудили за разработку оптогенетики – технологии, позволяющей буквально включать и выключать определённые нейроны при помощи света.

Если совсем просто, то с помощью генной инженерии в нервные клетки внедряют светочувствительные белки. После этого направленный свет определённой длины волны позволяет активировать или подавлять деятельность этих клеток.

Учёные могут исследовать нейронные цепи, отвечающие за память, страх, удовольствие, движение и другие функции мозга. Уже изучаются возможности медицинского использования этой технологии.

Перспектива избирательного воздействия на нервные клетки открывает весьма интересные возможности. Например, восстановление утраченного зрения, лечение некоторых неврологических заболеваний, а в более отдалённой перспективе – целенаправленное воздействие на память и эмоциональные состояния человека.

Но у подобных технологий есть и обратная сторона. Если однажды мы научимся искусственно подавлять страх, вызывать удовольствие или изменять эмоциональную окраску воспоминаний, возникнет вопрос: где заканчивается лечение и начинается прямое управление человеческим поведением?

Как вам перспектива управлять эмоциями генетически модифицированных людей или домашних животных простым нажатием кнопки?

Впрочем, фантасты давно задаются подобными вопросами – идея непосредственного вмешательства в работу мозга встречалась в литературе задолго до появления оптогенетики. Вот несколько примеров:

Анатолий Днепров – «Уравнения Максвелла» (1960). Учёный проводит эксперименты по воздействию на человеческий мозг электрическими полями. С помощью специально подобранных импульсов можно искусственно вызывать различные эмоциональные состояния – счастье, горе, веселье или грусть, а также влиять на человеческую волю. Однако возможности этой технологии оказываются далеко не безобидными.

Аркадий и Борис Стругацкие – «Хищные вещи века» (1965). В мире повести распространяется загадочное явление под названием «слег». Оно позволяет людям погружаться в необычайно яркие

и приятные переживания, по сравнению с которыми реальность кажется серой и бессмысленной. У людей возникает сильнейшая зависимость, а попытки разобраться в природе слега приводят к неожиданным открытиям.

Ларри Нивен – «Смерть от наслаждения» (Death by Ecstasy, 1969). В мире будущего существует технология прямой стимуляции центров удовольствия в мозге. Она вызывает настолько сильную зависимость, что люди перестают заботиться о собственных потребностях и могут погибнуть от истощения, не желая прерывать наслаждение.

Майкл Крайтон – «Человек-компьютер» (The Terminal Man, 1972). Герою романа, страдающему от приступов неконтролируемой агрессии, вживляют в мозг электроды. Специальный компьютер должен подавлять приступы посредством электрической стимуляции определённых участков мозга. Однако эксперимент приводит к неожиданным последствиям.

Спайдер Робинсон – «Господь жесток» (God Is an Iron, 1979). Ещё одна история о зависимости от прямой стимуляции мозга. Герой обнаруживает девушку, подключённую к устройству, которое воздействует электродами на центры удовольствия, и пытается разобраться, что с ней произошло.

Вернор Виндж – "Глубина в небе" (A Deepness in the Sky, 1999). В романе описана технология «Фокусирования», позволяющая изменять работу человеческого мозга. Человек приобретает исключительную способность концентрироваться на определённой задаче, но постепенно утрачивает самостоятельность мышления. Такая технология становится мощным инструментом контроля над людьми.

Пока фантасты придумывали способы управления человеческим сознанием с помощью электричества или радиоволн, учёные нашли ещё один инструмент – свет. И, судя по всему, это только начало.

RocketMan

13 октября:

Дэниель Краус, «Сбитый ангел». Изд. Астрель-СПБ, перевод чудесной Натальи Осояну

На русском в ноябре выходит «Сбитый ангел», лауреат Пулитцеровской премии 2026 года о рядовом Сирил Бэггере, нашедшем на нейтральной территории, среди окопов Первой мировой рухнувшего ангела – и до последнего пытающегося его спасти (заодно спасти собственную шкуру). Роман, написанный одним предложением, рецензию на которую тоже велик соблаз написать одним предложением, но придется сдержаться; так вот, роман – это приговор человечеству и темная ода бесконечному циклу насилия, которое, запущенное, как огромное зубастое колесо, не остановится никогда, и в нем, как в длинном-предлинном предложении без конца и края, «пожирающим себя», все задохнуться. Не от химического газа, а от отсуствия человечности. Впрочем, Краус в самом начале сдает карты и объясняет, почему до последней страницы точек не будет; однако можно найти и более необычную трактовку. Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, и этот поток видений идеально описать единым предложением. Герои сами постоянно задаются вопросом, живы они еще или уже мертвы. Нет, «Сбитый ангел» – не последний проблеск сознания умирающего (или нет) Бэггера, скорее бесконечная предсмертная галлюцинация всего человечества, проносящаяся перед глазами без остановки – поменяйте декорации, ничего не изменится. Хотя Первая мировая война идеально подходит для выбранных автором

жанром: и магического реализма, исследующего пограничные состояния, и для хоррора, здесь сведенного скорее до физиологических ужасов бойни, настолько плотных и детальных, что и они кажутся мистическими. Война, которая обязаанна покончить со всеми войнами, в итоге становится первой катастрфой XX века, воронкой в душе человечества, подрывающий веру в тысячи лет предшествующей истории – но главное, в Господа и его чудеса; любые чудеса, любые светлые желания теряются в грязи и жаре окопов, извращаются и, изуродованные, одолевают похотью, тщеславием. Ангелы обращаются демонами, демоны – ангелами, хотя есть ли разница между одним и другим?

«Сбитый ангел» – мрачная философская притча на историческом материале, где всякий персонаж, всякая метафора, всякий образ – прежде всего символ. Что фамилия (beg – умолять, begging – просить милостыню) и профессия Бэггера – ведь только шуллер может обыграть ангела и Господа, поменяь правила пари на ходу, только он знает цену своих же желаний, – до всего набора второстепенных персонажей. Их можно свести к банальному олицитворению людских пороков, но на деле каждый из них воплощает один из многих сценариев, по которым начинает жить сломелнный, отчаявшийся человек. Каждый из них – заводной оловянный солдатик со своим защитным механизмом: жаждой денег, справедливости, похоти. И вот миру, рухнувшему в вонючий окоп кризиса веры, подарили этот утерянный символ веры – то, чего однажды так не хватило епископу, отцу главного героя; сможет ли мир понять, что это – всего лишь символ, а не новое оружие и не волшебная палочка, исполняющая желания?

Роман Крауса строится на таком обширном пересечении тем, как и положено образцовой притче, что уместить их все в отзыв невозможно. Да и ненужно. Важнее сказать другое – текст настолько плотен образно, настолько лишен возможности вдохнуть и перевсти дух, что читать его остановиться невозможно, автор будто вечно заставляет держать веки открытыми, созерцая ужасы насилия до покрасневших глаз. Своей поэтической силой «Сбитый ангел» близок к маркесовской «Осени Патриарха» – а это уже дорогого стоит. Может, потому метод, выбранный Краусом, удивительно рифмуется с фильмом «1917», снятым одним кадром: попытка передать тотальную неизбежность и неотвратимость происходящего, существующего вне времени, покуда бьются сердца, в которых всегда способно поселится зло, продиктованное, как обычно, самыми благими намерениями.

Перевод восхитителен! И я представляю, насколько сложным он был.

Денис Лукьянов

Герберт Уэллс «Остров доктора Моро»

Когда берёшь этот роман в руки, кажется, что тебя ждёт классическое приключение: кораблекрушение, загадочный остров, странный учёный и пугающие эксперименты. Всё это действительно есть. Но довольно быстро понимаешь, что приключение здесь – лишь оболочка. На самом деле Уэллс пишет о вещах, которые сегодня волнуют не меньше, чем в конце XIX века: где проходит граница между человеком и животным, имеет ли наука право переступать моральные ограничения и что вообще делает нас людьми.

Самое удивительное – насколько современно звучит этот роман. Мы живём в эпоху генетического редактирования, трансплантологии, клонирования и искусственного интеллекта. На этом фоне идеи Уэллса перестают восприниматься как литературная экзотика. Конечно, доктор Моро не занимается генной инженерией в современном смысле слова – он пытается изменить животных хирургическим путём, буквально перекраивая их тела. Но принцип остаётся тем же: человек берёт на себя право сознательно вмешиваться в природу, считая, что научное знание автоматически даёт ему моральное право делать всё, что технически возможно.

Именно здесь роман неожиданно превращается в произведение о биоэтике – задолго до того, как сам этот термин появился в научной литературе. Сегодня биоэтика строится на нескольких базовых принципах: уважении к личности, минимизации вреда, добровольном согласии на медицинское вмешательство и ответственности учёного перед обществом. Если посмотреть на остров Моро через эту призму, становится очевидно, что доктор нарушает каждый из них.

Его подопытные никогда не выбирали свою судьбу. Они не могут отказаться от экспериментов,

не понимают их смысла и становятся объектами бесконечных болезненных операций. Для Моро они не живые существа, а материал, который можно бесконечно совершенствовать. Самый страшный момент романа заключается даже не в описании операций, а в отношении самого учёного к страданиям. Он открыто говорит, что боль не имеет значения, если эксперимент приносит научный результат. В его системе координат сострадание превращается в слабость, а мораль – в помеху прогрессу.

Сегодня подобная позиция кажется чудовищной именно потому, что XX век слишком хорошо показал, к чему приводит наука, лишённая этических ограничений. После Второй мировой войны появились международные нормы проведения медицинских исследований, обязательное добровольное согласие пациентов, независимые этические комитеты. Всё это возникло как ответ на реальные трагедии. Поэтому роман Уэллса читается почти пророчески: он предупреждает не о конкретной технологии, а о мышлении, которое ставит научный результат выше ценности жизни.

При этом Уэллс не превращает Моро в карикатурного безумца. Это особенно важно. Он не сумасшедший, а блестящий исследователь, который последовательно довёл до конца идею абсолютной свободы науки. Именно поэтому спорить с ним так трудно. Его рассуждения логичны, последовательны и местами даже убедительны – до тех пор, пока не замечаешь, что из этой логики полностью исчез человек.

Наверное, именно поэтому главным героем романа оказывается не сам Моро, а Эдвард Прендик. Он смотрит на происходящее глазами обычного человека, который постепенно осознаёт, что привычные представления о природе, морали и цивилизации начинают рассыпаться. Вместе с ним мы проходим путь от любопытства к ужасу. И это ощущение нарастает очень постепенно. Уэллс не пытается напугать резкими поворотами сюжета. Он медленно создаёт атмосферу тревоги, в которой даже обычный разговор начинает казаться опасным.

Особое впечатление производят зверолюди. Если воспринимать их просто как фантастических существ, роман многое теряет. На самом деле они становятся главным доказательством того, что эксперимент Моро потерпел поражение. Учёный изменил их тела, научил говорить, заставил соблюдать Закон, но так и не смог изменить их природу. Стоило исчезнуть постоянному контролю – и созданная им цивилизация начала распадаться.

Здесь биоэтическая тема приобретает ещё одно измерение. Уэллс словно спрашивает нас: имеет ли человек право настолько радикально вмешиваться в жизнь другого существа, если последствия невозможно предсказать? Любая технология, позволяющая изменить природу живого организма, неизбежно создаёт ответственность за результат. Но Моро интересует исключительно сам эксперимент. Судьба его созданий становится для него второстепенной. Он создаёт новую форму жизни, но не чувствует перед ней никаких обязательств.

Вообще, удивительно, насколько экономно написан роман. Сегодня подобную историю легко растянули бы на несколько томов, подробно рассказывая о происхождении острова, прошлом каждого героя и механике всех экспериментов. Уэллс поступает иначе. Он почти ничего не объясняет сверх необходимого. Благодаря этому неизвестность начинает работать на атмосферу. Воображение читателя дорисовывает гораздо больше, чем могли бы показать самые подробные описания.

Интересно и то, что роман практически не устарел в философском смысле. Да, современная биология давно ушла вперёд, и сами эксперименты Моро сегодня выглядят невозможными. Но вопросы, которые ставит книга, никуда не исчезли. Можно ли редактировать человеческий геном? Где проходит граница допустимого в экспериментах над животными? Кто должен определять пределы научного вмешательства? Каждый новый этап развития биотехнологий делает роман Уэллса актуальным заново.

Конечно, нельзя не отметить стиль самого Уэллса. Он пишет спокойно, почти сухо, без лишней эмоциональности. И именно эта сдержанность делает происходящее ещё более тревожным. Автор не пытается навязать нам готовый вывод. Он создаёт ситуацию, в которой сама история становится нравственным экспериментом.

Итог: После прочтения остаётся странное ощущение. Кажется, будто ты закрыл не фантастический роман, а философскую притчу, замаскированную под историю о загадочном острове. Хорошая научная фантастика редко ограничивается прогнозами будущего. Она проверяет на прочность наши представления о добре и зле. И в этом смысле

«Остров доктора Моро» оказался книгой, которая значительно опередила своё время. Возможно, именно поэтому роман до сих пор читается так убедительно. Он не столько о чудовищах, сколько об ответственности учёного. Не о необычных экспериментах, а о цене, которую приходится платить, когда стремление к знаниям перестаёт ограничиваться нравственными принципами. И если после последней страницы остаётся чувство тревоги, то возникает оно вовсе не из-за странных существ, населяющих остров. Настоящее беспокойство вызывает мысль, что доктор Моро не исчез вместе со своей лабораторией. В разные эпохи он лишь меняет инструменты, а вопрос, который поставил Уэллс больше века назад, остаётся прежним: должен ли человек делать всё, что он способен сделать? И вот тут хотелось бы порекомендовать научпоп на данную тематику – Сэм Кин «Во имя Науки! Убийства, пытки, шпионаж и многое другое», где автор подробно описывает преступления, на которые шли реальные ученые ради знаний.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Североан

Пока одни принципиально игнорируют ИИ-контент, а другие плодят бесконечные сюжеты про котиков и ожившие фрукты, Зак Лондон, известный на YouTube как Gossip Goblin, взял и сделал полнометражный фантастический фильм, видеоряд которого создан с помощью нейросетей.

Более того, **«Боги не дарят подарков» (Gods Don't Give Gifts)** выйдут в кинопрокат. Фильм уже получил возрастной рейтинг R, а его создатели даже собираются побороться за «Оскар» в категории полнометражной анимации.

Действие разворачивается в далёком будущем. Воспоминания стали товаром, а смерть больше не приговор – человечество научилось переносить сознание из одного тела в другое.

Фильм – антология из четырёх взаимосвязанных историй. Их герои: учёный, одержимый идеей следующей ступени человеческой эволюции; андроид, пытающийся вернуть одно дорогое ему воспоминание; боец, оказавшийся участником нечестной игры; и пресыщенный аристократ, отчаянно желающий вновь испытать настоящее потрясение.

Судя по трейлеру, нас ждёт безумная смесь киберпанка, трансгуманистической фантастики, боди-хоррора и религиозной мистики. Местами это напоминает сон человека, разом посмотревшего «Бегущего по лезвию», «Призрака в доспехах», что-нибудь из творчества Дэвида Кроненберга и Терри Гиллиама.

Во многих публикациях заявлено, что фильм полностью создан нейросетями. Однако это не совсем так.

Сценарий написан людьми, персонажей озвучивали 11 актёров, над музыкой работали четыре композитора. Звуковые эффекты, монтаж и цветокоррекция тоже выполнялись людьми. Нейросети отвечали прежде всего за создание визуального ряда, который, впрочем, также потребовал немалой ручной доработки.

По словам Лондона, над фильмом трудились около 30 человек, а производство заняло более девяти месяцев. Так что история про парня, который написал пару промптов и получил полнометражное кино, далека от действительности.

Этот проект стал наглядной демонстрацией того, как небольшая команда может создавать миры, для визуализации которых традиционными средствами потребовались бы совсем другие бюджеты.

Нейросети открывают авторам возможность реализовывать куда более смелые и оригинальные идеи, за которые крупные кинокомпании вряд ли взялись бы из-за высоких производственных затрат и риска не окупить вложенные средства.

Ознакомиться с фантазией Зака Лондона можно будет с 4 декабря. Правда, пока лишь в зарубежных кинотеатрах. У нас, видимо, придётся рассчитывать на ребят под «Весёлым Роджером».

RocketMan

14 октября:

Елисеев Н. Досуги 90-х. М.; СПб.: Руграм / Пальмира, 2025. 133 с.

Аннотация: Никита Елисеев – петербургский литератор, сорок лет проработавший в Публичной библиотеке. Отсюда, вероятно, его любовь к эксцентрическим историям и интеллектуальным провокациям. «Досуги 90-х» – антология наблюдений, исторических анекдотов и книжных цитат, складывающихся в прихотливый коллаж эпохи. Главный герой Коля бродит по Петербургу, пытаясь осмыслить распадающуюся реальность девяностых.

Здесь оживают тени графа Ростопчина и святой Елизаветы Венгерской, известия о недавних взрывах соседствуют с рассуждениями о постановках «Гамлета», поэтике Набокова, Платонова, Кафки, фильмах Пазолини и Тарантино, а бытовые сцены перемежаются сюрреалистическими видениями, будь то вороны, клюющие монеты в фонтанах, или бездомные пьяницы с ангельскими крыльями. Этим далековатым сближениям соответствует язык: автор свободно смешивает высокую словесность и уличную брань, античную цитату и газетную хронику.

Это книга о том, как в эпоху перелома частная жизнь продолжает течь по своим законам, а культурные обломки становятся материалом для чего-то нового.

Николай Подосокорский

Биохакер Джози Зайнер хочет создать единорогов и драконов с помощью генной инженерии и ИИ.

На эксперименты с единорогами она отводит 5–10 лет, а вот сроки создания драконов пока не берется назвать. Начать исследовательница планирует с мышей, а для драконов рассматривает летучих мышей.

Пока Зайнер занимается более простыми задачами: пытается создать гипоаллергенных кошек, улучшить говядину и повысить скорость лошадей с помощью редактирования генов.

Мир фантастики

В сказочном русском триллере про мальчика, который не только выжил, но и заживо сжег все семейство Яги, больше всего поражает шпагат.

Помните? Яга ворует мальчика (его обычно зовут Лутонюшка), притаскивает домой и велит дочкам зажарить. Мальчик по их требованию безропотно садится на хлебную лопату, но широко раздвигает конечности, чтобы ни в коем случае не пролезть в устье печи. Ягишны злятся, мальчик прикидывается дурачком и требует показать, как надо лежать. Ягишны ложатся на лопату, он их вдвигает в печь и сжигает.

Так вот. Свои конечности он раздвигает поразному. Часто в виде шпагата.

«Вылез мальчик из голбца, подходит к печке, садится на лопату, а ноги разшарачил».

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. № 2.

«Терешенька сел на лопату, ноги широко расставил и никак не войдет в печь».

Сказки. Ижевск. 1999. № 7.

«Жихарь лег. Одну ногу уставил в потолок, другую – в пол».

Волшебное колечко. Вятские народные сказки, песни и загадки. Горький. 1965. С. 51.

«А он взял, лёг – одну ногу на валок, другу в потолок».

Русские сказки Урала. Екатеринбург. 1997. С. 113.

В этот момент моя фантазия неизбежно подставляет на место сказочного мальчика Ван Дамма... И сразу становится ясно: не было у Яги против Ван Дамма Лутонюшки никаких шансов. Вся ее семья была обречена на уничтожение силами добра. Потому что против шпагата ну что поделаешь?

Антон Нелихов

Наверное, стоит написать о важном. Меня часто спрашивают: «**Константин, как мне получить Нобелевскую премию по литературе?**» У меня секретов нет.

Орхан Памук, лауреат 2006, роман «Меня зовут красный»

Герта Мюллер, лауреатка 2009, эссе «Красный цветок и жезл»

Марио Вагас Льоса, лауреат 2010 начинал публиковаться в «Красной серии» издательства Альфагуара

Мо Янь, лауреат 2012, роман «Красный гаолянь»

Элис Манро, лауреатка 2013, один из первых рассказов «Красное платье»

Патрик Модиано, лауреат 2014, публиковался в серии «Красная рамка»

Светлана Алексиевич, лауреатка 2015 в интервью называла своим произведения «Красным циклом»

Боб Дилан, лауреат 2016, альбом «Под красным небом»

Элизабет Глюк, лауреатка 2020, стихотворение «Красный мак»

Юн Фоссе, лауреат 2023, дебютный роман «Красное, черное»

Хан Ган, лауреатка 2024, дебютный рассказ «Красный якорь»

Ласло Краснахоркаи, лауреат 2025, ну сами все поняли (на самом деле не подходит)

Анн Карсон, лауреатка 2026, книга «Автобиография Красного»

Константин Мильчин

15 октября:

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 133

Давненько не завозили в Избу антиутопий. Жанр этот не то чтобы люблю. Особенно классические произведения которые, будучи по своему мрачными, умудряются при этом быть и страшно наивными, с точки зрения современного человека. Однако ж попытка не пытка.

КАЛЛОКАИН. Карин Бойе

Проблема старых антиутопий, как по мне, в том, что они чертовски похожи. Словно сюжеты всех классических произведений произошли в одной Вселенной. В каком-то смысле так оно и есть, общая планета и существующие на ней государственные строи порождали плюс-минус одинаковые страхи. Но мне-читателю от этого не легче.

Строго говоря, ничего особо фантастического. В том или ином виде «сыворотки правды» используются спецслужбами со времён царя Гороха. Не удивлюсь, если сегодня существует некий аналог каллокаина, всё отличие которого от какого-нибудь

тиопентала натрия в том, что он заставляет прям выливать подноготную, и при этом не вредит организму. В этом плане фантастичность романа сродни жюль-верновскому «Двадцать тысяч лье под водой». Ну, реально, кого нынче удивишь подводной лодкой?

В структуре общества тоже ничего нового. Тотальная слежка. Власть полиции. Интернаты для детей, где их с детства готовят к войне. Отсутствие иной любви, кроме любви к Государству. Верю, что на восемьдесят лет назад это было свежо, но сегодня, после уроков истории, лишь пожимаешь плечами – чего только не было. У нас тут вот-вот роботы мир захватят. А ещё через восемьдесят лет читатель (или как там люди будут информацию усваивать?) будет пресыщенно хмыкать: пфф, мой батя жил под гнётом ИИ, у нас тут в моде инопланетные хозяева.

О предсказуемости сюжетных поворотов даже говорить нечего. Строго говоря, роман реально можно вместить в два предложения, заботливо вынесенные на обложку. Прекрасно понимаю, что каждому своё, но я лично не мог избавиться от скуки. Единственный момент, который меня всколыхнул, когда герой вколол собственное изобретение своей жене. Её реакция, её ненависть – вот это было сильно и зло. Возможно потому, что автор женщина, и для неё подобные переживания были сродни личному опыту.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

16 октября:

Задумчиво:

Известность писателя прямо пропорциональна скорости, с какой пиратские сайты крадут его опубликованные тексты.

Напеваю старую песню: «Эта песня за два Олди, за два гроша, с нею люди вспоминают о хорошем...»

Генри Лайон Олди

17 октября:

Польское издательство Wydawnictwo Literackie выдает один анонс за другим. На этот раз – переиздание писем Лема к Майклу Канделу “Слава и Фортуна”. Все еще живой и здравствующий Кандел был одним из переводчиков Лема на английский язык. Польский фантаст считал его лучшим и очень ценил их дружбу по переписке. Канделу удалось отлично адаптировать юмор Лема, а главным его достижением был перевод “Киберiады”.

Многолетнее сотрудничество закончилось, когда Кандел решил попробовать себя на писательском поприще и прислал один из своих опытов Лему на оценку. Польский фантаст слишком откровенно высказал свое мнение о работе начинающего автора (он же сам просил ЧЕСТНО), и такого испытания их дружба не выдержала. Лем всегда придерживался принципа “amicus Plato, sed magis amica veritas”, но иногда этот принцип очень больно кусал его в ответ.

Перипетии этой мелодраматической истории можно проследить по переписке, которую Wydawnictwo Literackie (весьма нелюбезно по отношению ко мне) анонсировало под конец этого года.

Инар Искендирова

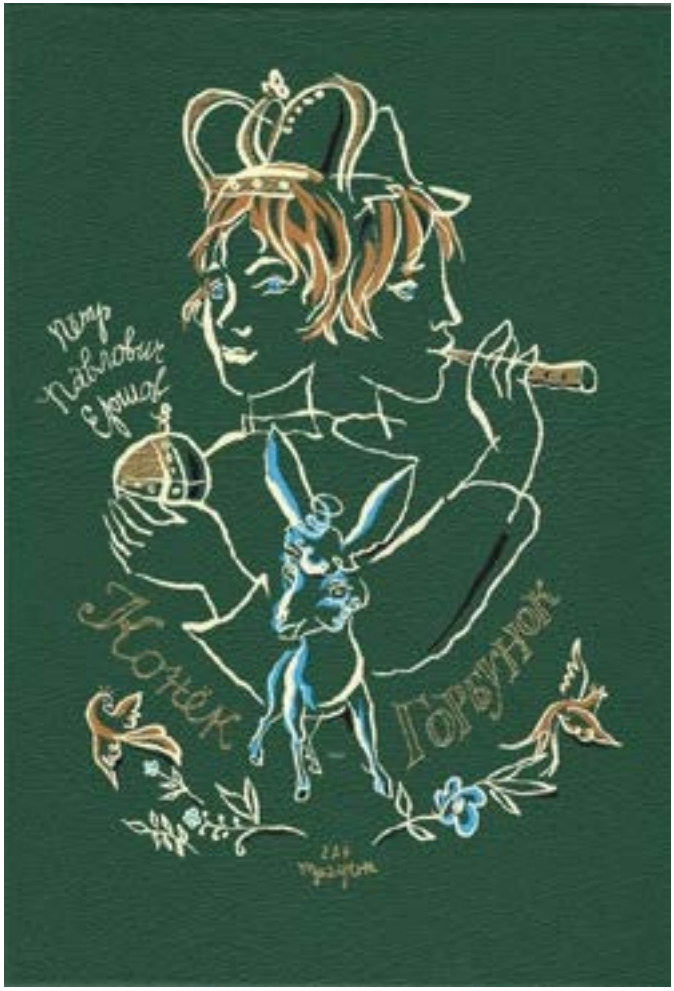
18 октября:

Ершов П.П. Конёк-Горбунок / Ил.: Г.А.В. Траугот. Статьи и примечания: Т.П. Савченкова. СПб.: Вита Нова, 2026. 352 с.

Аннотация: Сказка в стихах «Конёк-Горбунок», написанная П.П. Ершовым (1815-1869) в 1830-х годах, давно уже стала классикой этого жанра и по праву вошла в золотой фонд русской детской литературы.

Сказку «Конёк-Горбунок» предваряет стихотворение А.С. Пушкина «Сват Иван». При жизни литераторов стихи Ершова часто появлялись в печати рядом с произведениями Пушкина. Решили продолжить эту традицию и мы. Тем более что Пушкин, как известно, принимал горячее участие в судьбе сказки и даже заявлял намерение «содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками».

Наше издание дополнено обстоятельными примечаниями и статьями о судьбе книги и её автора. Художественное оформление и иллюстрации

к «Коньку-Горбунку», выполненные прославленным мастером книжной графики А.Г. Траугтом (творческий псевдоним – Г.А.В. Траугот), погружают читателя в мир волшебной сказки, где возможны невероятные чудеса, а добро побеждает зло.

Имеется обширное приложение, составленное ведущим специалистом по творчеству Ершова Т.П. Савченковой; оно включает статьи и примечания, написанные специально для данного издания.

В одной из статей детально исследованы вопрос о взаимоотношениях Ершова с А.С. Пушкиным и проблема авторства «Конька-Горбунка».

Николай Подосокорский

Импринт Nova Fiction готовит нам, я так понимаю, новый «Этногенез», на сей раз космооперный. Речь о романе без автора «Обитаемая сфера». *В недалеком будущем человечество создало двигатель на антиматерии, через 300 тысяч лет 36 792 планеты разделены на Лиги под мудрым руководством божественных Пантеонов. Но миры начинают гибнуть от страшного М.О.R.а, кто-то пытается манипулировать божественным Жребием, боги проигрывают состязания с духами* и так далее.

К книжке прилагается сайт jhonata.net, на котором творится безумие, от множества стран типа Товарищество Большой Цинциннати до комментариев со множеством общеизвестных персоналий (объясняется это так: *исторические личности реинкарнируют в будущем, благодаря чему вся история «Древней Земли» становится не фоном, а действующим составом нового мира*). Мир детализирован сильно, но как-то механически (*Обитаемая Сфера разделена на пятнадцать административных Лиг, каждая из которых обладает собственными историческими, религиозными и эстетическими традициями, основанными на превалировании определённых человеческих мотиваций – любви, веры, знания, памяти, игры и др.*) Я бы предположил, что в основном это всё – как и книгу, видимо, – написано при помощи ИИ. Ну вот про главную героиню:

Как известно, Ангелин Гарин родилась в 2010 году – в год Металлического Тигра по древнему китайскому календарю. Именно поэтому китайская шестидесятилетняя календарная система пользуется в Обитаемой Сфере особым уважением. Считается, что она представляет собой один из наиболее удачных способов классификации человеческих характеров и судеб...

Оформлено это всё тоже множеством картинок иишного производства. Есть задаток на виртуал и игросферу, само собой:

Сервис представляет собой интерактивную цифровую платформу – личную творческую игру, в рамках которой Пользователь получает возможность участвовать в игровом процессе, связанном с созданием виртуальных государств, культурных объектов и визуального контента в жанре артфикшн с использованием программных средств, включая технологии искусственного интеллекта.

Обещано уже и подарочное издание книжки в двух томах с цветными иллюстрациями; текст, который там виден, увы, не убеждает.

Я как раз на днях думал, что ведь непременно должны найтись умельцы, которые напишут весь словарь к «Дюне» без самой «Дюны». И что словарь «Дюны» без основного текста мало чего стоит. Ну а воспользоваться ИИ тут сам Маск велел. Кто знает, конечно, может, это что-то гениальное. Но я пока как-то не уверен.

Николай Караев

20 октября:

«Карл – обходчик подземелий» экранизируют в виде сериала. Это первый роман цикла в жанре LitRPG американского писателя Мэтта Диннимана.

Сюжет разворачивается в постапокалиптическом мире, где **инопланетная корпорация «Борант» уничтожила всё на Земле**. Выживших людей и другие формы жизни помещают в **гигантское 18-уровневое подземелье-лабиринт**, размером с земной шар. С этого момента начинается **игра на**

выживание: у каждого уровня есть жёсткое ограничение по времени, и чтобы перейти на следующий этаж, нужно успеть найти лестницу до обрушения текущего.

Главный герой – Карл, ветеран Береговой охраны США. Вместе с ним в подземелье попадает его кошка (точнее кошка его бывшей девушки) Принцесса Пончик Королева Анна Чонк, которая после съеденного зачарованного печенья обретает способность говорить и использовать магию.

По сюжету суть игры не в физической силе, а в популярности у аудитории: чтобы выжить, нужно собирать зрителей, привлекать спонсоров и «стильно» расправляться с монстрами. Всё происходящее транслируется в прямом эфире по всей галактике в рамках жестокого реалити-шоу «Мир обходчиков подземелий» (Dungeon Crawler World: Earth).

Над сериалом работают Крис Йост и Эрик Хайссерер – сценарист **«Прибытия»**. Съёмки планируют начать в 2027 году, даты премьеры пока нет. А время познакомиться с первоисточником ещё есть, то есть описание дикое, конечно, но читатели хвалят книги **за меткую сатиру и динамику сюжета**.

Кто там хотел взрослых персонажей? Наслаждайтесь парнем, бегающим по лабиринту без штанов, и говорящей **кошкой Принцессой Пончиком Королевой Анной Чонк**.

Лиля Шеламова

21 октября:

Набирая статистов для «Фауста», Ромео Кастеллуччи объявил, что пол, возраст, внешность и этническое происхождение претендентов значения не имеют – нужно лишь отгадать загадку: «Я скрываю звезды, когда появляюсь. Кто я?»

Любой ребенок знает ответ – это Дьявол!

Изможденный старик избавляется от кислородного баллона, продав Сатане душу. Гнусавый голос перечисляет тех, кто заключил подобный контракт, – от Ньютона до Ханны Арендт. Ученая овчарка, сменившая классического пуделя, обнюхивает чучело овчарки; робот аплодирует, имитируя

глупую публику; с небес сыплется угольная пыль; огромные логотипы New York Times и Le Monde разрезаны вдоль; Маргарита инфернально крякает.

Не знаю, существует ли сатанизм как театральное явление, но «Фауст» Кастеллуччи как будто изобретен в чертогах зла.

Спасаясь от соблазнов Нечистого, я сразу после спектакля отправился в римскую церковь, где похоронен Сай Твомбли. Напротив его могилы висит копия «Положения во гроб» Караваджо, и, пока я ее благоговейно разглядывал, началась служба и ангельский хор запел аллилуйю.

Нет, враг рода человеческого нас не одолеет, даже если придется жить с кислородным баллоном.

Дмитрий Волчек

Гжендович после шикарного вступления в «Книге осенних демонов» выдал такой плохой рассказ, что я даже опешила. Начинается он с того, что бедному мужчине выдают волшебную кредитную карту, которой можно оплачивать все, потом идет «Гелий-3» в сжатом виде, потом разная шиза, завершается все картиной, где внезапно феминистки и веганы (Гжендович их еще в «Гелии» очень страшился) режут на улицах людей.

Мы недавно обсуждали в комментах метод Гжендовича в «Гелии» (особенно его скачки между жанрами и линиями вообще), вот чтобы увидеть это в анекдотически сжатом для рассказа виде, можете прочитать рассказ «Клуб абсолютной кредитной карточки». Это забавно. Помимо того, что рассказ плоховато написан и постоянно теряет фокус, а куски не стыкуются, там концовка еще веселее, чем в «Гелии-3».

В разгромленном секс-шопе лежат тела, они уложены ровно в ряд. Худощавая девушка, словно хирург, наклонилась над животом одного из лежащих. Ее руки и скальпель по локоть в крови. На стене надпись: МУЖЧИНЫ – ШОВИНИСТИЧЕСКИЕ СВИНЬИ. Резня.

Аж прослезилась.

Жанна Пояркова

Никак не могу выбросить из головы зарисовку Балларда The Garden of Time из «Голосов времени». Это не очень типичная для него вещь, но очень красивая. Граф с женой живут на вилле/замке, к которой медленно двигается темная армия. Чтобы отбросить ее назад, граф и жена опустошают свой прекрасный сад, срывая цветы и извлекая из них некую эссенцию, которая перематывает время чуть назад. Толпа откатывается к горизонту, но все же каждый день она становится чуть ближе, затапливает холмы.

Постепенно красота сада иссякает, и темная армия проходит через сад, мимо супругов, превратившихся в статуи. Едва ли толпа вообще их замечает. Сад зарастает шиповником. Каждая отсрочка поедает сад, время покупается невосполнимой тратой красоты. Думаю, тут можно много обсудить, но

мне просто очень понравилось. А на фото георгин Sandia Tulip, который выглядит так, будто вполне мог бы хранить внутри какую-нибудь магическую жемчужину.

Жанна Пояркова

22 октября:

Артур Кларк «Встреча на заре истории»

«Встреча на заре истории» – небольшое по объему произведение, в котором почти нет привычной для фантастики динамики, но есть главная тема Кларка: бесконечность времени и ответственность тех, кто обладает знаниями и силой.

В центре рассказа – встреча представителей высокоразвитой цивилизации с человечеством на заре его существования. Перед исследователями оказывается молодой мир, где разумная жизнь только начинает свой долгий путь. Однако сама цивилизация пришельцев находится на грани исчезновения. Они понимают, что перед ними может быть будущее Вселенной, но не могут просто передать свои знания или вмешаться в естественное развитие другой расы.

Кларк размышляет о главном вопросе любого контакта между разными цивилизациями: имеет ли право более развитый разум вмешиваться в судьбу менее развитого? Даже если вмешательство кажется благом, оно может уничтожить уникальный путь развития целого мира. Эта идея особенно актуальна сегодня, когда человечество само сталкивается с вопросами сохранения культур и экосистем, а также ответственности за свои действия.

Несмотря на космический масштаб событий, рассказ остается очень человечным. Пришельцы не выглядят холодными сверхразумами – они испытывают сожаление, любопытство и надежду. Они видят в первобытных людях не дикарей, а возможных наследников разума во Вселенной. Их

собственная трагедия превращается в своеобразную передачу эстафеты: одна цивилизация исчезает, но другая только начинает свой путь.

Одной из главных тем произведения становится идея ценности знания. Для Кларка развитие науки – это не способ получить власть над природой, а главное проявление разума. Даже перед лицом гибели герои продолжают исследовать Вселенную, потому что именно стремление понимать окружающий мир делает цивилизацию живой.

Итог: «Встреча на заре истории» – это не рассказ о пришельцах в привычном смысле. Это история о времени, памяти и надежде. Кларк показывает, что каждая цивилизация когда-нибудь сталкивается с пределами своего существования, но сам путь познания продолжается. Возможно, именно способность искать ответы и смотреть на звезды является главным признаком разума – независимо от того, на какой планете он возник.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Североян

МЫ – ЛЕГИОН. МЫ – БОБ, Деннис Тейлор

В моём инфополе эта книга никак не мелькала. Я не знал, чего ждать, поэтому не ждал ничего. Возможно именно поэтому приключения искусственного интеллекта, созданного на основе мозга нашего с вами современника, я проглотил буквально за два вечера.

Давайте начнём с того, что я понимаю тех, кому эта книга не понравилась. Первая треть, в которой идёт становление героя, сильно отличается от последующих двух. Они больше похоже на прогрессию в компьютерной стратегии. Герой фармит ресы, открывает новые абилки, захватывает территории, иногда файтится. Такой сайфайный вариант литэрпэгэшки, без магии и эльфов. Люди, которые пришли прям за твёрдой, как батон на вторую неделю, научной фантастикой, могут почувствовать себя обманутыми.

Но, к счастью, я отношусь к тем читателям, которых такой подход порадовал. Я словно на экране видел карту звёздных систем, и радовался каждой новой удачной экспансии. В какой-то момент я слегка запутался в точках зрения, т.к. Бобов натурально сделался легион, пока не понял, что не смотря на характерные различия, относиться ко всем этим Бобам следует, как к одной личности, действующей в интересах человечества. К слову, своей псевдомашинной иронией Боб напомнил мне Киллербота, что в моих глазах охреннено такой большой плюс.

Занятно, что автор для каждого читателя постарался найти что-то интересное. Скучно тебе лететь двадцать лет к следующей точке? Вот тебе потенциальная Земля-2, осталось только климат улучшить. Терраформируй! И это скучно? Возвращайся в родные пенаты, попытайся консолидировать остатки разобщённого человечества. Спасай! И это скучно? Вот тебе экзопланета с разумными существами в стадии каменного века, находящихся на грани вымирания. Прогрессорствуй! Ну, и далее по списку – изобретай, исследуй, воюй etc.

Заканчивается книга примерно ничем. Словно ты сохранился и вышел. Остались недоделанные дела, недобитые противники, недоисследованные местечки. Однако в цикле ещё книг пять или шесть, и я к ним обязательно вернусь. Хочется верить, что разум таки победит.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

23 октября:

Философский трактат “Анафем”

Я люблю античную философию. При всей ее эклектичности и дырявости она содержит в себе столько смыслов, что мы до сих пор питаемся ее мудростью. Античная философия – это наш цивилизационный ориентир, точка отсчета. Закат античной философии в виде падения Римской Империи в пятом веке нашей эры ознаменовал наступление Темных Веков, когда прошлые истины были забыты, когда были утеряны вековые технологии, когда перестала существовать традиция мысли и речи. На смену глубоким и возвышенным истинам пришли суррогаты и заблуждения – и началась первая эпоха пустоты – первая, но видится, что не последняя. И нет ничего удивительного, что выползание из Темных Веков, которое мы сегодня называем Возрождением, началось с того, что с античных руин стряхнули тысячелетнюю пыль и обнаружили настоящий кладезь смыслов.

Философский трактат Стивенсона переосмысляет земную философию, помещая ее в выдуманный мир выдуманного человечества. Стивенсон создает семитысячелетнюю историю развития мысли в этом мире – развития по большей части умозрительного, теоретического. Ввиду того, что местным монахам-философам (инакам) разрешено ставить только мысленные эксперименты и делать пассивные наблюдения, их философия тяготеет к тому, что мы называем платонизмом, а у них это “протесизм”. Инаки рассуждают и в рассуждениях ищут истину, которая существует сама по себе, которая обитает где-то в отдельном своеобразном мире – они называют его ГТМ, “Гилеин Теорический Мир”, он же – мир чистых идей Платона.

Представлены в романе и прочие философско-религиозные направления, в коих я не слишком силен, чтобы их распознать. В частности, инаки практикуют нечто вроде стоицизма: они сдержаны, рассудительны, для них важно держать эмоции под контролем и быть достойными гражданами их научного (“матического”) мира, представленного многочисленными монастырями (“матиками”). Стивенсон придумывает инакам этикет, основываясь на традициях земных монастырей по типу буддийских или даже шаолиньских, подгоняет под этикет философию и получает что-то свое, не присутствующее в истории Земли.

Трактат очень интересен и требует внимательного прочтения. Стивенсон буквально на ходу создает логически последовательные (хотя иногда и рваные) рассуждения, выходящие за пределы нашей обычной философии. В частности, он строит последовательно несколько миров, которые друг для друга являются ГТМ – то есть, платоновыми, и влияют друг на друга по цепочке. Есть, скажем, мир ***Г***, он – обычный материальный мир, но есть перед ним мир ***В***, который является миром идей для ***Г***, так что под воздействием ***В*** формируется ***Г***. А перед ***В*** есть ***Б***, потом ***А***... Каждый более абстрактен, но при этом Стивенсон утверждает, что и в абстрактных мирах существует материальность, очень похожая на нашу обычную Вселенную, и что в ней даже есть разумные существа. Арб – мир, где происходит действо, стоит в этой цепочке, равно как в ней стоит и Земля. Как я понял, Арб для Земли более платонический, Арб влияет на Землю, но попасть можно в обратную сторону – с Земли в Арб. (Главы, описывающие эту связь, довольно трудны в восприятии, а читал я их один раз, так что, возможно, я перепутал направления.)

В трактате присутствует и сюжет – который нужен скорее как организующий элемент для философских размышлений. То же и про персонажей: они неразличимы практически никак. Если взять отдельно стоящий диалог и убрать из него атрибуцию, будет невозможно понять, кто есть кто. Да даже и убирать не нужно: в трактате много таких диалогов, где совершенно путаются говорящие, а порой даже и неясно, сколько их: двое, трое, четверо... Под конец трактата сюжет допускает ряд поспешностей и нелогичностей, получает выбивающуюся из стиля мистичность в некоторых эпизодах, а также отягощается роялями и некоторой неправдоподобностью. Все-таки произведение огромное, и Стивенсону требовалось его завершить хоть как-то, а основные философские построения уже были высказаны, – и осталось только закруглить сюжет. Как писатель он, конечно, слаб, но как творец миров и создатель философских систем – достоин всяческих похвал.

Александр Гранин

«ЭММА И СФИНКС», ДЯЧЕНКО

Вообще, конечно, самое смешное в «Эмме и сфинксе» Дяченок то, что я читала ее в детстве (кажется, в старших классах или на первом курсе), а теперь полезла в книжку и с изумлением обнаружила, что я старше героини (ей 35), а мне, блин, 41:))

Книжка сама по себе хорошая, на мой феминистический взгляд, сильно выше всех остальных книг Дяченко – у Эммы очень много завязано на профессию и ее творческую самореализацию, тест Бедхель история проходит влет (драма-драма у героини с ее антагонисткой не из-за мужика, а из-за роли в театре), на периферии множество людей, которые сами по себе нормальные хорошие люди, в меру нелепые и они там просто, ну, живут, и даже волшебный-преволшебный мужик, который появляется из ниоткуда, учит героиню хорошему и растворяется в ноосфере обратно, не раздражает, потому что у него какая-никакая собственная логика и субъектность есть, он не чистый плот-девайс. Хотя он там, конечно, и гениальный математик, и красавец, и Сфинкс, и ягуар, и кто только не. Но на самом деле – дерево, и это очень пошло истории на пользу (и в кои-то веки в книжке Дяченок отношения без абьюза, ну).

Но самое смешное, конечно – это смена оптики в читательском восприятии. Когда я читала эту книгу в детстве, то проблемы Эммы («старость скоро, с мужиками не везет, неужели мне до старости играть хомячков на утренниках») казались мне проблемами взрослых людей, которые от меня бесконечно далеко. Какие мужики, какая пенсия, вы о чем:)

Но, блин, и сейчас эти проблемы тоже кажутся бесконечно далекими – но они теперь воспринимаются не как проблемы «взрослых», а как проблемы «подростков». Читаешь, как Эмма выдает себя за семиклассника Сашу и начинает звонить супер-математику, чтобы он помогал ей решать задачки, и думаешь – блин, какие мужики, тебе бы сначала ментора хорошего и мировоззрение нормальное, чтоб на тебя кто-то посмотрел по-доброму и ты научилась так сама на все смотреть. И будет у тебя еще лет сорок или пятьдесят, когда можно будет заниматься чем угодно, а не только мечтать, что в театре тебя заметят – и все будет хорошо.

К счастью, именно это в книжке и происходит – и именно поэтому я обнаружила, что люблю ее до сих пор:)

«– Хорошее занятие, – сказал Росс. – Вообразить себя чем-то, что есть – и чего нет. Что движется – и что неподвижно. Что бесконечно –

и одновременно конечно... Вот этот ручей. Ты можешь представить, что ты – это он? Что тело этого ручья – твое тело? Каждая капелька, от истока и до устья... А там, в устье, очень интересное ощущение: ты заканчиваешься, но не сразу. Ты постепенно переходишь в другой поток, в реку... Это еще ты – но уже она. Ты одновременно – там, в устье, мягко умираешь, и здесь, у водопада, живешь, и там, у истока, только рождаешься... Одновременно... Представь, что ты дерево. А все вокруг движется... и остается неизменным... капля дождя становится событием. А впереди сто лет...»

Марина Аницкая

24 октября:

Заметки на полях. Обсуждали тут с коллегой антиутопию, возник вопрос: а можем ли мы в самом деле причислить к антиутопиям «постап», постапокалиптическую прозу? Ну, ту саму, которая о мире, пережившем глобальную катастрофу? Мне кажется, с некоторой натяжкой все-таки можем. Довольно редко после катастрофы – атомной войны, эпидемии, зомби-апокалипсиса, экологического трындеца – выжившие строят благополучное, утопическое, или просто нейтральное общество. Как правило, авторы описывают крайние формы: авторитаризм, тоталитаризм, деструктивные секты, людоедские общины и все такое. От «Противостояния» Стивена Кинга до «Острова Сахалина» Эдуарда Веркина. Исключения случаются («Страсти по Лейбовицу» Уолтера Миллера-мл. или «Достоин свободы» Вяч. Рыбакова, например), но не слишком часто. Ну, еще чистые робинзонады бывают, где нет никакого общества, а есть один-два-три выживальщика на руинах. Тут да, другая история.

Ну а если апокалипсис еще не кончился, если нам его показывают, что называется, в процессе, это вообще не постап, это роман-катастрофа. В общем, разбираться с такими книжками надо отдельно, предметно. Автоматически ставить знак равенства между двумя субжанрами не стоит, это действительно непрофессионально. Но в среднем по палате – она, антиутопия.

Василий Владимирский

Дослушала третью книгу из цикла про Владимира Корсакова, который пишет Игорь Евдокимов (в декабре, вижу, запланирован четвертый том). Это такое булкохрустовое мистическое фэнтези с элементами детектива, про охотника на нечисть в Российской империи конца XIX века. Подается как «оккультный детектив», но, как мне кажется, в большей степени триллер, то есть те, кому нужен именно детектив, могут разочароваться.

Очень краткая аннотация ко всему циклу: байронический Марти Сью Владимир Корсаков, последний в семействе, обладающем тайными знаниями, расследует загадочные происшествия, попутно пытаясь разобраться в сути и последствиях трагедии, приключившейся несколько лет назад в Болгарии во время одной из миссий его отца. Много язвит и красуется, ужасно бесит, однако справляется с поставленной задачей сохранения читательского интереса.

По крайней мере, в моем случае интерес сохранился – а вот с «Авериным» меня хватило примерно на половину первого тома. У цикла про Корсакова есть существенный плюс: хоть автор и признается в послесловиях, что не претендует на историческую точность, работа с матчастью все-таки видна невооруженным глазом, и смотреть на нее приятно

(мне). Детали быта, жизни столицы и провинции, научные изобретения и новшества, обычаи и обыкновения простых и не простых граждан; такой фактуры в цикле довольно много. И это очень здорово. Хотя сносок могло быть поменьше; в аудиокниге их избыток временами сущее наказание.

Что не здорово, так это количество повторов и близко расположенных однокоренных слов, пропущенных редактором. Я зачастую отношусь к таким вещам философски, но здесь их... как-то многовато.

Третья книга показалась мне затянутой и в целом разочаровывающей, несмотря на Венецию; оказалось, она на самом деле написана первой. Это многое объясняет.

Короче, это мистическое фэнтези; это очень легкая книга – такая, которая хорошо идет в наушниках в спортзале, под домашние дела и т.д., и т.п. Не для того, чтобы загрузить мозги, а для того, чтобы разгрузить мозги, которые чем-то уже очень сильно загружены. Автор хотел написать увлекательную историю – автор написал увлекательную историю. Кино получилось бы эффектное.

P.S. Но редактуру-то, редактуру в четвертой книге сделайте нормальную, а? Очень прошу.

Наталия Осояну

27 октября:

Тем временем у абыя вышла книга и впервые – не художественная. Писать о сборнике публицистики так себе занятие, особенно, когда автор опытный, по-хорошему упрямый, тексты уже были опубликованы и даже цитируются. Писать о сборнике близкого человека легко и приятно, как говорить правду.

Можно было бы начать чем-то вроде «сочинитель воображаемых миров выступил на другой стороне поля в роли дотошного потребителя чужого контента», но это не совсем так. О чужих книгах и других авторах Шамиль Идиатуллин пишет много лет со скрупулезным удовольствием, и диапазон его интересов не так уж и узок, как он периодически сообщает. Хотя карта его читательских предпочтений во многом разыграна в остросюжетных и фантастических жанровых конвенциях, а уж среди нас, младших товарищей, Идиатуллин слывет одним из главных Крапивино– и Стругацковедов.

Примечательно, что большой™ взрослый писатель в очередной раз подчеркивает специфику и важность детской и подростковой прозы.

Лирическое отступление. Кажется, если бы не доброй памяти конкурс на лучшее произведение для детей и подростков Книгуру, вряд ли бы мы все собрались в одном месте и оптом познакомились – ну или не так скоро, и, может быть, не подружились бы даже – Шамиль, Эдуард Веркин, Нина Дашевская, Ира Богатырева, Маша Закрученко, Ая Эн, Лара Романовская, Лена Борода, Коля Назаркин, Паша Калмыков, Света Лаврова, Александр Киселев, Женя Овчинникова, Стас Востоков, Ева Немеш, Владимир Березин... проще сказать, с кем впервые встретились не там, в общем. Но я отвлеклась.

Неожиданным для некоторых оказался шпионский блок о реальных драмах времен Холодной войны – мой любимый, кстати. Многие тексты дополнены свежими размышлениями, но в основном это рецензии и очерки разных лет, разбитые на широкие тематические разделы, посвященные как темам, так и персоналиям. Бонусом – спонтанный мастер-класс о собственном писательском методе.

Когда привыкаешь к скорости, с которой говорит и шутит Шамиль, вторым делом удивляешься его журналистской прицельной способности вытаскивать из внутреннего архива неожиданные факты и названия. Этому даже завидовать не получается, поэтому, как правило, с первым поисковым запросом я иду в таком порядке: сначала к братику, затем в гугл. И вот наконец то немногое из того многого разрозненного, что он хранит в какой-то специальной, овеваемой бережной нежностью к сабжам, директории, вышло под одной обложкой.

Можно было бы сказать «я галстук по-другому вяжу» – но это путь в собственную рукопись. Только автор знает, о чем он говорить не хочет, а что и каким образом протащит в текст обязательно. В архитектуре сборника, как гласит аннотация, лучших статей были резон и концепт, в ядре, которого, конечно, сакраментальное «художник так видит», но все же мне эта внутренняя логика ясна, кое в чем я даже пыталась принимать участие, а он вежливо делал вид, будто согласен, и поступал по-своему. Это была славная охота. Пиши еще, дорогой, пожалуйста.

Шамиль Идиатуллин «Автор ничего не хотел сказать» (РЕШ, 2026, илл. Дины Идиатуллиной).

Главное чуть не забыла! Аудиоверсию озвучил Григорий Перель.

Анастасия Шевченко

«На коне бледном» Марино – скорее да, чем нет, хотя книга своеобразная. Скульптор Ларк живет в маленьком городе, куда вернулся ради сестры Бетси, обладающей значительным художественным талантом. Настолько, что он искажает реальность.

Бетси похищают, вручая Ларку странную старую книгу инструкций, описывающую создание весьма неприглядных и зловещих объектов, ведущих к появлению Бога петли. Кажется, это имеет отношение к повешенному столетия назад в этом городишке художнику, но Ларку некогда разбираться, ведь ему надо делать проклятые скульптуры. Ему помогает в этом странноватый друг, периодически отключающийся в сон, но после первой скульптуры город начинает меняться.

В «На коне бледном» хороши части, в которых Марино увлекается искусством. Сила погружения художника так велика, что меняет мир. Однако мне показалось, автора сковывает какое-то нежелание (неумение?) описать происходящее более доходчиво, он прячется за мазками. Ему не хватает богатства стиля, он в некотором смысле раб вот этой базовой схемы предсказуемой хоррор-истории.

С другой стороны, у Марино прикольные герои и внутренний конфликт, заставляющий то тут, то там вываливаться из выбранного шаблона. Акт созидания так сладок и экстатичен, что даже создавая ужасное, ты испытываешь восторг. В тексте происходит веселая дичь с вырезанными кусками картин, бункер под землей, полный духов погибших во время перфомансов художников, – тоже образ богатый. Интерлюдии от лица призрака певицы кантри, наблюдающей, как бездарные богачи проводят дьявольские ритуалы, чтобы вернуть отца, тоже забавные.

Что в итоге? Что-то в духе «В финале Джон умрет», но не такого веселого и хорошо так промодулированного Баркером и «Дьюма-Ки». Но вот что в книге удачно – это что в ней чувствуется что-то человеческое, что торчит сквозь шаблон живыми ветвями. Из книги ничего особо не вырезано, только названия наркотиков заменены словами типа «химия» и «препараты».

Жанна Пояркова

28 октября:

Анджей Сапковский «Час Презрения»

Когда читатели вспоминают цикл Анджея Сапковского о ведьмаке Геральте и его приёмной дочери Цири, первая волна ностальгии почти всегда относится к сборникам рассказов *«Последнее желание»* и *«Меч Предназначения»*. Это и понятно: первые книги были наполнены искромётным юмором, авторской иронией, остроумным переосмыслением европейских сказок и относительно безопасными, локальными историями. Геральт бродил по трактам, охотился на кикимор, попадал в забавные или грустные бытовые передряги и философствовал у костра.

Однако именно «Час Презрения» – четвёртая книга цикла и второй полноценный роман – резко и беспощадно ломает эту уютную картину. Если предыдущая романная часть, *«Кровь эльфов»*, служила лишь неторопливой расстановкой фигур и нагнетанием тревожного ожидания, то в «Часе Презрения» фигурная доска Континента летит в пропасть со всем своим содержимым. Повествование окончательно перерастает из камерного фэнтези в масштабную и мрачную политическую трагедию.

История начинается обманчиво тихо – с хрупкой надежды на то, что герои ещё могут выкроить себе немного простого человеческого счастья. Юная Цири отправляется в академию Аретуза, где её ждёт обучение магии. Чародеи готовятся к большому сбору, пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу дипломатическим путём. А Геральт всей душой стремится лишь к одному – уберечь девочку и остаться как можно дальше от королей, их разведчиков и бесконечных союзов.

Но у мира и стоящих у руля фанатиков совершенно другие расчеты. Кульминацией первой

половины книги становится Танеддский бунт – ключевое, поворотное событие всей саги. За один-единственный кровавый день привычная система сгорает дотла. Древние институты чародеев – Совет и Капитул – рушатся из-за предательства, взаимной подозрительности и давних обид. Северные королевства мгновенно вспыхивают новой войной с агрессивной и беспощадной империей Нильфгаард. А главные герои, ещё вчера мечтавшие быть вместе, оказываются разорваны и выброшены в самые темные углы Континента. С этого момента уютная сказка о ведьмаке заканчивается навсегда. Наступает тот самый Час Презрения, о котором веками твердили эльфийские пророчества.

Центральный смысловой стержень романа – это демонстрация того, как с треском рушится главная жизненная защитная установка Геральта. На протяжении сотен страниц ведьмак твердит одну и ту же фразу: «Я ведьмак, я вне политики, я не принимаю ничью сторону». Он пытался выстроить вокруг себя стерильную стену отрешённости, веря, что если он не трогает мир, то и мир не тронет его.

Сапковский разбивает эту иллюзию с жестким литературным реализмом. В мире, где с обеих сторон конфликта выступают фанатики, радикалы и циничные манипуляторы, нейтралитет оказывается не мудростью, а наивной глупостью. Попытка Геральта сохранить руки чистыми приводит к катастрофе: он оказывается тяжело ранен, теряет связь со всем, что ему дорого, и понимает, что не смог защитить никого. Сапковский наглядно показывает: пассивность в переломные моменты истории – это тоже форма выбора, и цена за неё всегда оказывается кровавой.

Если для Геральта роман становится моментом жестокого протрезвления, то для Цири это точка страшной и необратимой трансформации. Пережив ад Танедда, девочка оказывается абсолютно одна в бесконечной, раскалённой и мертвой пустыне Корат.

Главы её одиссеи по раскалённым дюнам в компании случайного спутника – маленького единорога – написаны с потрясающей психологической глубиной. Это не только физические мучения и борьба с жаждой, но и полная ментальная ломка. Оставшись наедине со своей травмой, Цири совершает роковой шаг: она добровольно отказывается от магии, не выдержав её искушения и страха перед собственной силой.

Сломанная, лишенная дома, родителей и каких-либо ориентиров, она попадает в банду «Крыс» – отчаявшихся, жестоких и потерянных подростков, порождённых этой войной. Сапковский показывает страшную правду о том, как одиночество, депрессия и жестокий мир превращают испуганного ребенка в холодного, озлобленного убийцу. Отныне Цири – Фалька.

За что же мы так любим прозу польского мастера? Прежде всего за его фирменный слог, который именно в этом романе находится на самом пике своего совершенства. Ядовитые и изысканные диалоги чародеек, сухой и горчащий юмор Геральта, а также безупречно переданный говор простолюдинов, наемников и солдат делают этот фэнтезийный мир невероятно живым, осязаемым и объемным. Динамика боевых сцен – будь то сокрушительная и безнадежная дуэль Геральта с чародеем Вильгефорцем или панический хаос во время бунта на Танедде – написана с потрясающим чувством ритма. При этом автор совершенно не щадит своих персонажей: в этой книге больше нет «безопасных мест», а понятие высшей справедливости безжалостно растоптано сапогами нильфгаардской пехоты.

Итог: «Час Презрения» – это переломный этап цикла. Он жесткий, стремительный, местами безнадежно мрачный, но абсолютно завораживающий от первой до последней страницы. Сапковский связывает личную драму импровизированной семьи, состоящей из Геральта, Йеннифэр и Цири, с глобальным катастрофическим конфликтом целого мира. Если вы искали в жанре фэнтези не просто банальные битвы с драконами и спасение королевств, а глубокую психологическую драму о потере, вынужденном взрослении и настоящей цене человеческих ошибок, эта книга гарантированно станет одной из ваших любимых во всем цикле.

Жанр: Героическое фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

Алексей Севериан

«Автор ничего не хотел сказать»

Вообще-то я не собиралась на эту встречу. Почему? Потому что ничего не читала у Шамиля Идиатуллина. Посмотрев две недели назад на его улыбающееся лицо на большом баннере в Публичке (баннер приглашал на встречу с двукратным лауреатом

национальной премии «Большая книга»), я отвела глаза и мысленно пообещала: «Простите, было некогда. Когда-нибудь обязательно».

Но тут я обнаружила в библиографии автора новинку: «Автор ничего не хотел сказать». Оказалось, я и её пропустила! У меня аж похолодело внутри. Но когда увидела, что на Литресе она вышла буквально сутки назад, – отпустило. На вечер 24-го у меня были совсем другие планы в Публичке, но я переиграла их, стоило открыть электронную версию и прочитать вступительную фразу:

«Практически всю жизнь мало что интересовало меня сильнее книг».

Я готова была подписаться под каждым словом!

Я стала листать дальше:

«Verba volant, scripta manent, автор мертв и ничего не хотел сказать, пешы ищщо, вопрос закрыт...»

Отложить это чтение было невозможно. А следующая цитата – и вовсе про меня:

«В биографиях, литературных практиках и издательских судьбах симпатичных мне авторов я всегда копался с удовольствием, но считал это делом почти интимным, обнародовать подробности которого не следует».

Времени до встречи оставалось в обрез – всё не прочитать. В оглавлении увидела огромную главу про Стругацких. Они – моя запоздалая любовь, и это чувство, как выяснилось, разделено. И ещё успела прочитать «Историю до февраля». Теперь даже не знаю, что ценнее: сам роман «До февраля» или эта исповедь писателя о том, как он его создавал.

Тут же заказала себе книжную новинку в бумаге. Электронная страницами не пошуршит, а этот сборник слишком хорош, чтобы оставлять его в пикселях. Только бумага, только хардкор!

«Автор ничего не хотел сказать». Для меня в этой фразе всегда крылось лукавство: ну конечно же, хотел! Хотел. И всё же в ней скрыта потрясающая свобода. Свобода для читателя – забирать из книги то, что отозвалось лично ему. Свобода для писателя – просто творить, не оправдываясь.

Наталья Герасимова

То, что доктор прописал: «Из бездны», Герман Шендеров

Вообще с творчеством Германа Шендерова я знакома давно, но точечно – то на ютубе рассказ попадается, то в «Самой страшной книге» – а вот так, комплексно, случилось впервые.

Вот зачем нужны авторские сборники, друзья! Не зря они скрупулезно собираются по особой задумке, рассказ к рассказу. Это совершенно **новое впечатление от автора**, настоящее погружение в его бездну творческий мир.

13 рассказов, все разные, все по-своему кайфовые – я смотрю на оглавление и понимаю, что ни один не прошел мимо, везде своя изюминка. **Слушала в озвучке любимого чтеца ССК Ильи Дементьева** – идеально, чтобы впрыснуть немножко адреналина в день сурка с младенцем 😅

Пишет Шендеров **бодро**, как-то по-свойски, что ли, при этом отлично работает с совершенно разными темами: **технологии, бытовуха и 90-е, исторический контекст, демоны, сказки... есть даже хоррор-комедия**, от которой я похрюкивала со смеху.

Попробую выделить несколько рассказов, которые мне ну прямо очень-очень.

Le châtiment (Возмездие)

Дневник титулярного советника Степана Андреевича Костюковского, который едет в Америку,

чтобы посмотреть на рабство и открыть соотечественникам глаза на безумие крепостничества. Сперва кажется, что главный герой – эдакий гуманист, но на деле он тот ещё лицемер. Рассказ изобилует эпизодами жестокого обращения с невольниками, некоторые из них даже основаны на реальных событиях. Эпистолярный жанр, исторический контекст и боди-хоррор в одном флаконе, при этом рассказ довольно динамичный. И, как нынче модно в жанре, **мораль присутствует**.

Как Зинка Кольку от пьянства отучала

Та самая хоррор-комедия, которая стала идеальной передышкой после предыдущего рассказа. По названию уже можно догадаться, в каком стиле и о чем будет история (ещё одна в копилку к алкашам), и она могла бы остаться просто ещё одной бытовой байкой, если бы в сюжет не вмешались **заигрывания со сказкой, греческим мифом и даже «Адом» Данте**. А вмешались они очень даже удачно, и текст сразу стал элегантнее. В общем-то, этот **рассказ я рекомендую всем**, даже тем, кто с хоррором на «вы».

Лучший погонщик

Совершенно безумный сеттинг: **индийская мифология и зомби**. Главный герой – погонщик зомби, который берется выполнить работу для раджи, окружившего себя армией живых мертвецов. Рассказ наполнен болью, гноем, вонью, мухами и мерзостью, но он **очень-очень хорош и максимально необычен**!

Намощ

Герман Шендеров прочел «Морфологию волшебной сказки» Проппа и написал рассказ, где очень умело смешал две реальности – нашу и сказочную. Причем **стилизация текста под сказку удалась ему на ура**, а Илья Дементьев озвучил это всё просто **искрометно**. «Намощ» рекомендую именно слушать.

Про **«Отверстия»** я уже писала, когда читала этот рассказ в формате комикса: **потрясающе омерзительная история**, которую я хотела бы забыть, но не могу, поэтому переслушала её снова.

Есть в сборнике и **попытка заглянуть по ту сторону и осмыслить смерть** в соавторстве с Владимиром Чубуковым – о его сборнике «Прах и пепел» я писала в начале года. Как ни странно, этот рассказ понравился мне куда меньше, чем упомянутые выше, хотя от Чубукова и такой тематики я в восторге.

Но мне очень импонирует, что Герман Шендеров **идет в сторону метафизического хоррора** – я уже стара для пустой расчлененки, дайте мысль... короче, буду ~~пристально~~ следить за творчеством автора.

И **важное**: есть хоррор, который опустошает читателя жестью и безысходностью, но сборник «Из бездны» при всей своей бескомпромиссности и беспощадности к женщинам и детям всё-таки развлекает, а не опустошает. Это в первую очередь бодро, остросюжетно и интригующе, а уже потом страшно / мерзко / жестко (выбери свое).

Александра Прохорова

29 октября:

Вообще **«Жук в муравейнике»** книжка крайне познавательная, жаль, что ее редко перечитывают – не то что **«Трудно быть богом»** или **«Обитаемый остров»**. Вот например. По наблюдениям Ядвиги Михайловны Лекановой, наблюдающего врача Алабкина, «одного из крупнейших в мире

специалистов по детской психологии», «*Лева Абалкин рос и развивался как вполне обычный мальчик, склонный, может быть, к легкой меланхолии и замкнутости, но никакие отклонения его психотипа от нормы не превышали средних значений и значительно уступали крайним возможным отклонениям*».

Между тем Майя Глумова вспоминала детские годы так: «*Он лупил ее – ого, еще как! Стоило ей поднять хвост, как он выдавал ей по первое число. Ему было наплевать, что она девчонка и младше его на три года, – она принадлежала ему, и точка. Она была его вещью, его собственной вещью. Стала сразу же, чуть ли не в тот день, когда он увидел ее. Ей было пять лет, а ему восемь. Он бегал кругами и выкрикивал свою собственную считалку: "Стояли звери около двери, в них стреляли, они умирали!" Десять раз, двадцать раз подряд. Ей стало смешно, и вот тогда он выдал ей впервые...*». И эти замечательные взаимоотношения продолжались практически до того момента, когда Лев закончил школу-интернат и пошел учиться на Прогрессора.

Из этого мы делаем вывод: либо для людей Мира Полудня это норма – когда ребенок и подросток лупит девочку на три года младше (нет), или «крупнейший в мире специалист» проявил вопиющий непрофессионализм и чудовищную некомпетентность, прозевав серьезную психическую аномалию. И тут стоит добавить, что уважаемая Ядвига Михайловна у Стругацких входит во Всемирный Совет, главный управляющий орган Мира Полудня. В общем, удивительно, что этот мир не превратился в ад – с настолько грамотными и компетентными управленцами.

Василий Владимирский

Я взял кофе и пирожное, оставил на столе в кафе, отошёл буквально на минуту. Возвращаюсь – на блюдце ничего нет. Кто-то дерзко похитил моё пирожное, бесцеремонно его поглотил и исчез.

Не об этом ли ещё сто лет назад предупреждал Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы»?

Очевидно, что наш континент стоит на краю пропасти, и вот очередное свидетельство его приближающегося краха.

На снимке: скульптура Эрвина Вурма, украшающая вход в кафе «Захер».

Дмитрий Волчек

30 октября:

А вот об этой книжке вряд ли кто-то напишет – потому что мало кто ее заметит. А жаль. Придется мне.)))

Евгений Иванович Филенко – из старожилов нашего «фантастического цеха», дебютировал аж в 1964 (!!!) году, школьником десяти лет от роду. Представитель **Четвертой волны** советской фантастики: то есть ездил на конвенты и семинары, включая Малеевский, много писал в стол, обсуждал рукописи в узком кругу, активно участвовал в движении КЛФ (клубов любителей фантастики) в 1970-1980-х. Видимо, самый успешный из пермских фантастов, не считая Алексея Иванова, хотя там было немало самобытных авторов в последние десятилетия существования СССР и в 1990-х, больше, чем в соседнем Ёбурге в те же годы. Бестселлером ни одна из книг Филенко не стала, но мне его тексты всегда нравились: динамикой, ритмом, выстроенной интригой, иронией, иногда переходящей в сарказм. Что-то я даже издавал, когда работал еще в позапрошлой «Азбуке».

Автор не самый плодовитый, но время от времени переделывает старые тексты, что-то с чем-то объединяет, по-новому компонует, сочиняет продолжения – так что, увы, не могу похвастаться, что прочитал всего Филенко «насквозь», хотя пытался. И да, многие его тексты вышли или в самиздате, или в малотиражках, что тоже не облегчает жизнь читателям.

Самые известные вещи Евгения Ивановича входят в цикл **«Галактический Консул»**, обросший вбоквелами и приквелами. Начиналось там очень бодро (еще в 1980-х), как такая альтернатива серии Стругацких о Мире Полудня, потом стало немножко утомительно: слишком много взаимосвязей между романами и сквозных второстепенных деталей, которые замаешься вспоминать 10-20 лет спустя. Но вот эта **«Доминанта»**, судя по аннотации, отдельный самостоятельный роман. В общем, я заинтригован, жду. Издатели пока обещают выпустить в декабре. Но могут, конечно, сдвинуть.

Василий Владимирский

И что же общего между Кащеем, стегозавром и пепси-колой? Честно говоря, ничего.

А между Ильей Муромцем, Иисусом Христом и палкой? Пиво.

Раньше по всей Евразии пиво было совсем не тем, чем стало в светской культуре.

Пиво не было повседневным напитком, который можно выпить в любое время дня и ночи. Оно было строго ритуальным. Его варили по календарным праздникам и на обряды перехода: рождение, свадьбу, похороны. Почему? Потому что пиво объединяет. Кого угодно и со всеми.

Оно соединяло живых с мертвыми, людей с богами, гостей с хозяевами. Было универсальным социальным и метафизическим клеем.

Надо пообщаться с покойной прабабушкой? Пиво в помощь. Отправить на небо просьбу? Поллитра светлого.

Понятно, что употребление столь мощного средства жестко регламентировалось. Пить пиво просто так, в повседневной жизни запрещалось. Да и готовили его по строгим магическим правилам.

Его восхваляли в песнях, сказках и былинах. Сказочному герою волшебный приятель от всего сердца дарил скатерть-самобранку с – внимание! – двенадцатью разными сортами пива (*Перстенек – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Петрозаводск. 1958. С. 65*).

В былинах Илья Муромец вставал на ноги, когда калики угощали его пивом.

Пиво освящали иконами, а обряд варки в общем копировал сценарий творения. То есть палка, которой мешали пиво, примерно такая же, как та, которой демиург закручивал в спираль Млечный путь.

Сейчас пиво оказалось маргинализировано и демонизировано. Поправить отношение к нему попробовала выставка в Российском этнографическом музее. Убедиться, что получилось у нее неплохо, можно до 25 декабря.

Благодаря выставке поймете, что от волшебных приятелей надо просить именно пивную скатерть с двенадцатью сортами пива. Ну или хотя бы с одиннадцатью сортами. Один кран пусть останется для светского виски...

Антон Нелихов

31 октября:

Шамиль Идиатуллин. Автор ничего не хотел сказать

Я никогда не была на закрытых презентациях, не получала в подарок боксы с мерчем или книги для обзора из предварительного ограниченного тиража. Я покупаю книги сама, только если этого хочу. И рассказываю о них сама то, о чем хочу.

Это вместо предисловия.

Обычно я читаю художественную литературу. Детективы, триллеры, психологическую прозу, книги для подростков, стихи.

Литературоведение – однозначно не мое, хоть в школе мне, в общем, нравилось им заниматься. Особенно, после того, как я узнала, что это логично выстроенная система знаний, в которой свои определения, законы и постулаты. Поэтому прямо и честно: рецензии я не пишу. А вот читательский отзыв могу при случае.

Многие, наверное, видели в сети мем «Учительница пытает автора, который ничего не хотел сказать». У меня этот мем вызывал странные чувства. Во-первых, учительницу-то за что? Вы их когда в последний раз видели? Возможно, мне сильно повезло в этой жизни, но ни одна из моих знакомых учительниц литературы даже отдаленно не напоминала героиню того мема. А во-вторых, где вы

видели автора, который ничего не хотел сказать? Ну вот, если честно, положа руку на сердце? Кто не хочет сказать, тот молчит. И всем хорошо. Даже учительнице из мема. В общем, скажу осторожно, этот мем меня бесил всегда, и я его, по возможности, старалась перелистнуть чем быстрее, тем лучше. То ли дело его соседи по подборкам «Не еш, подумой», «Штош» или «Не чета не хочу пока».

И вот в один прекрасный (или не прекрасный, а вовсе так себе день) Яндекс показал мне рекламу книжного магазина «Буквоед», а там была книга с названием «Автор ничего не хотел сказать». И мало того, что название оказалось столь провокационное, так и автор книги – давно знакомый, много раз читанный, вызвавший за долгие годы такое разнообразное море эмоций, как, пожалуй, никто в современной литературе.

Конечно, я оформила предзаказ. И, конечно, купила книгу, когда она появилась в продаже.

Зеленая, толстая, с портретом автора на обложке, с названием, читаемым издалека как табличка у офтальмолога, и непростой, неслучайной, понятное дело, фразой: «книга о книгах».

Я начала ее читать и поняла, что несмотря на краткость глав и бодрость слога, это своеобразные мемуары о любимом чтении, о труде писательском и ином, о самых талантливых коллегах, их книгах и о жизни, в первую очередь, читательско-писательской, но не только.

В тексте много интересного о разном, но о писателях и книгах в первую очередь. Очень разных писателях и очень разных книгах, объединенных лишь одним – автором книги о книгах, который ничего не хотел сказать.

Добавлю, что читается легко, быстро и даже жаль переворачивать последнюю страницу.

И да, иллюстрации Дины Идиатуллиной прекрасны.

Екатерина Каретникова

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom
Александр Гранин: Внутри сингулярности, https://t.me/singularity_within
Александра Прохорова: Винишко под книжку, https://t.me/culturehedonism
Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair
Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, https://t.me/UmiGame
Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography
БВИ: Братия по Разуму: https://t.me/bratrazum
Василий Владимирский: speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction
Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, https://t.me/horrorfantastcom
Генри Лайон Олди: Oldie World, https://t.me/oldieworld
Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, https://t.me/denosavor
Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal
Дэвид Лангфорд: Ansible, https://news.ansible.uk/
Екатерина Каретникова: #прокнижное, https://t.me/karetni
Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub
Инар Искендирова: Так говорил Лем, https://t.me/lemtalking
Константин Мильчин: Canal du Midi, https://t.me/milchin
Лиля Шеламова: Лиля Шеламова, https://t.me/lilya_storygirl
Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn
Марина Бернацкая: Marina Bernackaya, https://t.me/tamango15
Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru
Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre
Наталья Герасимова: Посиделки, https://t.me/natalga_story
Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, https://t.me/starlighthousekeeping
Николай Подосокорский: Подосокорский, https://t.me/podosokorsky
Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, https://t.me/kozhinoleg
Павел Сидоров: Сай-фай ревью, https://t.me/scifireview
Сергей Соболев: https://fantlab.ru/user13240
Фёдор Панфилов: Panfilov FM: https://t.me/panfilovfm
Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, https://t.me/idiatullin
Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https://t.me/we_and_books